

Как выйти замуж за Феникса

ТАТЬЯНА ФОРШ

Феникс

Татьяна Форш

Как выйти замуж за Феникса

«Автор»

2013

Форш Т. А.

Как выйти замуж за Феникса / Т. А. Форш — «Автор»,
2013 — (Феникс)

ISBN 978-5-9922-1514-4

Инструкция по выживанию для принцесс: – если тебя выдали замуж за огненного колдуна – не беда! Вызнай, зачем ему это было надо, убеди в сумасшествии и попроси отпустить тебя добровольно. Ну а если не получится – постарайся сбежать! В конце концов от этого зависит твоя жизнь... – если по дороге тебе попадется красивый наемник, не отказывайся от его услуг. От говорящего коня тоже нос не вороти, кто еще тебе поможет не свихнуться в той дороге? Ну а Змей Подгорный так вообще подарок небес! А если совсем туго придется – не расстраивайся! И главное, не бойся! Да и сама посуди: чего тебе бояться? Ты и так попала дальше некуда: ведь ты вышла ЗАМУЖ ЗА ФЕНИКСА!

ISBN 978-5-9922-1514-4

© Форш Т. А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	42
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Татьяна Форш

Выйти замуж за Феникса

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

– Меня – замуж?! Ну знаешь ли! Я не твоя собственность, чтобы скрещивать меня с кем попало! – От переполнявшей меня злости я топнула ногой.

На папочку это, конечно, не произвело никакого впечатления. Он сидел, прихлебывая из блюдечка душистый чай так, словно ничего не происходило, но на всякий случай поглядывал на меня из-под седых косматых бровей. Вроде как – я прав, но мало ли что может учудить эта взбалмошная девчонка!

Как на грех в это время мимо меня, с трепыхающейся птицей в зубах, крался дворцовый кот Пуля. От неожиданности он замер, попятился, а воробушек, почуяв свой последний шанс, изо всех сил забился в его пасти и, неведомо как оказавшись на свободе, бросился спасать жизнь. Кот обиженно покосился на мою золоченую туфлю, выгнулся и, шипя как голодный василиск, рванул за удирающим прыжками помятым воробьем.

– Па-па! Что ты молчишь?!

– Вася! Я тебя умоляю! – Папаня шумно отхлебнул для решимости чая и невозмутимо продолжил: – Ты – именно моя собственность! Ты – моя дочь! И обязана выполнять мои приказы! Желательно молча! Если я сказал, что в воскресенье твоя свадьба, разлюбезная ты моя, то так тому и быть! И единственное, что тебя должно волновать, – фасон платья, в котором ты пойдешь к алтарю.

Я пренебрежительно фыркнула, давая понять, что его аргумент меня не впечатлил, на что дородная служанка Фроша, тенью стоявшая позади отца, только перекрестилась и бесшумно ретировалась с поля военных действий, а спасенный воробей приземлился рядом с опустевшим блюдечком и, нагадив в него, с победным чириканьем выпорхнул в открытое окно.

– Так... твою ж... разэтак... – Папочка брезгливо покривился, разглядывая привет от нахальной птицы, затем пухнул блюдце вслед за воробьем и угрожающе поднялся. – Василиса! Как бы ты ни хотела со мной поспорить, уверяю тебя, это не тот момент! Ты. Выходишь. Замуж. За Феникса! И точка!

– Ни за что! – Я ничуть не испугалась отцовского рыка, подбоченилась и, не сводя с него взгляда (надеюсь, достаточно гневного, чтобы объяснить ему, что так просто я не сдамся!), принялась наступать на венценосного родителя. – Я его даже никогда не видела! Что это за гусь?

– Не гусь, а Феникс! – Папа сделал шаг назад.

– Да все равно! Ты никогда ничего не говорил ни о каком фениксе, и вдруг вчера, вернувшись с охоты, сообщал мне радостную новость?! Откуда взялась эта птичка?

– Он не птичка! Он... – Папа замялся и неуверенно выдал: – Он мой хороший друг! – Затем, видимо вспомнив, что он все-таки король, выпалил: – Иди к себе в покои, неблагодарная девчонка! Была бы жива королева, она бы вырастила тебя послушной принцессой, а не... Все! Уйди с глаз моих долой! Общайся с портнихой, выбирай украшения – завтра твоя свадьба! Точка!

Я развернулась и, сопя как дракон, вылетела из обеденного зала. Ну ладно! Не хочешь по-хорошему – будет по-плохому!

Торопливо пересчитав привычные десять ступеней лестницы, я ворвалась на третий этаж. Увешанные выцветшими гобеленами стены спального этажа отчего-то показались мне сегодня на редкость мрачными и чужими. Ковровые дорожки, лежавшие между выстроившихся солдатами массивных лакированных дверей, особенно бросались в глаза своей древностью. Я впервые за столько лет заметила проплешины изъеденных молью узоров. Увидела затянутые пылью и редкими паутинами стекла окон, сквозь которые лилось яркое весеннее

солнце. Еще неделя, и наступит лето! Но... эта жаркая сказка будет не для меня. Скоро я покину дворец...

Тоска сжала сердце. За что? Почему это происходит со мной? Зачем я должна покинуть дом, в котором выросла?!

Я направилась по коридору к моей опочивальне, касаясь рукой резных узоров массивных дверей. Сколько себя помнила, эти двери почти всегда были закрыты, а я мечтала, что когда-нибудь их распахнут новые жильцы... Вот только этой мечте никогда уже не осуществиться! Теперь и мою комнату запрут на ключ...

Наконец я остановилась у моей спальни, взялась за медную ручку и медленно ее повернула. Замок щелкнул, открываясь. Замешкавшись на пороге, я шагнула в покои и замерла, с растерянностью и грустью разглядывая привычные с детства вещи: пушистый ковер, кровать, кресло, стол и распахнутые ставни окна, за которыми птицы на все голоса свистели, щелкали, чирикали и стрекотали гимн наступающему лету.

Вдруг в душе шевельнулась злость. Неужели я так легко сдамся и откажусь от привычной жизни? Уеду в чужое царство? Я ведь даже не знаю, откуда нарисовался этот... Феникс.

Я стиснула кулаки и села на кровать.

Нет уж! Без боя – не сдамся!

И тут в мой мысленный спор с самой собой вступила тревога.

А может, лучше добиться результата не боем, а хитростью? Без крика выпросить у батюшки, что это за Феникс такой, а уж опосля решать.

Ведь как ни крути, а что-то тут нечисто. Я впервые вижу папочку таким... решительно настроенным. Почти всегда он шел у меня на поводу. Я его единственная наследница и фактически единственный родной человек! Мама умерла так давно, что я ее совсем не помнила. Правда, у нас с отцом есть еще Мафания – сестра мамы, но видимся мы не часто. Отец не любит говорить о ней. К слову, тетя всегда была немного странной: жила за городом и пользовалась довольно плохой репутацией. Проще говоря, тетя Мафа – ведьма и, когда речь заходит о деньгах, не гнушается любого колдовства.

И тут меня осенило!

Точно! Я должна с ней увидеться! Просто обязана! Вдруг она научит, как переубедить моего жениха на мне жениться? Или даст мне какие-нибудь капли? Да хоть пургена! Если просидит этот Феникс всю свадьбу на толчке – я ни при чем! Отсутствие жениха заменяет фактическое «нет»!

Я решительно поднялась, вышла из светелки и, оглядев пустынный коридор, бросилась бежать к лестнице. Только бы не встретить отца, не то вернет и закроет в комнате дожидаться портниху и шить платье. И это в мой последний свободный денечек! Да плевать, что завтра свадьба! Лично я ее не хочу!

Завтра свадьба...

Сердце вновь тревожно екнуло.

Интересно, почему так быстро? Отчего отец готов выдать меня, свою единственную дочь, замуж – вот так! Без торжеств и гуляний на неделю, без званых балов и знакомств с будущими родственниками, как того требовал обычай? Ведь наверняка у этого Феникса есть родители, друзья или пусть какая-никакая, хоть седьмая вода на киселе – родня.

Кому нужна эта спешка? Моему будущему мужу или... отцу? Почему он стремится от меня избавиться?

Ох как мне все это не нравится!

Поглощенная мыслями, я даже не заметила, как пролетела по серпантину лестницы, что привела меня на первый этаж. Вот и колонны дворцового холла, где всегда, сколько я себя помнила, проходили балы и праздники. Сейчас здесь было тихо и мрачно. Солнце уже ушло на другую сторону дворца, и под высокими каменными сводами поселился привычный полумрак.

Из всей немногочисленной челяди папани меня здесь поджидали только два стражника, истуканами замершие по обеим сторонам двери. Я даже не обратила на них внимания, потому что с детства привыкла считать их статуями.

И снова обидой сдавило сердце.

Как он посмел согласиться отдать меня замуж за первого встречного?!

Выскользнув за неплотно прикрытые массивные двери, я со всех ног бросилась на задний двор.

Срубленная из толстых, потемневших от времени бревен огромная конюшня встретила меня теплом и терпким ароматом сена. В загонах шумно всхрапывали жеребцы – гордость отца. Скакунов он любил, как иногда мне казалось, даже больше, чем меня! И честно говоря, я очень опасалась, что застану здесь своего сумасбродного папашу, но, кроме конюха Парамона и его сына Степки, в конюшне никого не было.

– Вась? Чего пришла? – Степка был моим ровесником, но за последний год дюже вытянулся, став на целую голову выше меня. Симпатичный парнишка. Волосы, что поле льна, и глаза – синие, как горные озера. И почему я не замечала этого раньше, воспринимая его никак иначе, кроме как товарища по играм? Возможно, все сложилось бы по-другому, если бы не бездна, разделяющая нас: я – принцесса, он – никто!

– Приготовь мне Борьку. – Я покусала губы, видя его враз насторожившиеся глаза, и заставила себя улыбнуться. – Все хорошо, Степ! Просто хочу прогуляться!

– Тебе составить компанию? – Он распахнул створки загона, где уже в нетерпении приветливо пофыркивал Борька – рыжий жеребец, подарок отца на мой пятнадцатый день рождения.

– Не нужно. Я до старой мельницы и обратно. – Я продолжала ему беспечно улыбаться, вот только, по моим ощущениям, улыбка уже превратилась в оскал.

Ну и пусть! Пусть думает что хочет! Только бы не увязался следом. Да, не скрою, иногда я позволяла ему сопровождать меня на конных прогулках, но... сейчас он мне не нужен! Тетя при нем ни за что не будет ворожить...

Степка все понял, обиженно поджал губы. Молча вывел жеребца, оседлал. Привычно подставив руку под мой сапожок, помог вскочить в седло, но напоследок спросил, не утерпел:

– Вась, а чего случилось-то?

– Случилось? Ты о чем? – Сегодня что, все можно прочесть по моему лицу? С чего такой интерес? Можно подумать, я и раньше без него на прогулки не ездила.

Степка уже открыл рот, чтобы что-то мне поведать, но его опередил Парамон.

– Король... – дохромав до нас, хрипло начал тот, – ворвался совсем недавно, едва дождался, когда Степан оседлает Ветра, и умчался, только его и видели. – Конюх взглянул на Степку и приказал: – Иди ворота открывай.

Стараясь не показать удивления, я со знанием дела покивала.

– Ах да-а... Мы договорились покататься. Но, видно, ему не терпелось, вот он и уехал один...

Интересно, куда это батеньку понесло?

Я чуть тронула поводья, показывая, что разговор закончен. Борька нехотя направился к воротам, которые уже спешно открывал Степан.

Выехав со двора, я с какой-то злой радостью хлестнула жеребца, заставляя того очнуться от сытой лени и во весь опор рвануть по пыльной дороге, вьющейся мимо богатых особняков и бедняцких лачуг, ромашковых полей и выстроившихся ровными рядами грядок с зеленеющими всходами. Мое любимое крошечное королевство! Такое крошечное, что все его можно объехать за день. Когда-то королевство называлось Ромашковое, но за время правления короля Еремея (а по совместительству моего отца) королевство стали называть – Еремеево, позабыв историческое название. Но... моим подданным здесь нравилось жить – а не это ли главный

показатель мудрости правителя, способного поддерживать в своем государстве беззаботную жизнь? Хотя отец не так давно на собрании советников что-то говорил о повышении налогов, но... эти тонкости политики меня уже не касаются! Зачем забивать голову политикой, если родной папочка мечтает сплавить меня куда подальше?! Впрочем, может, вся эта королевствология пригодится мне во владениях будущего мужа?

А ведь я даже не знаю, кто мой жених. Принц или королевич? А может, князь? Я даже не знаю, есть ли у моего жениха королевство... Или царство? Или вообще хоть что-нибудь!

От таких мыслей я только покрепче намотала поводья и, пришпорив жеребца, прижалась к Борькиной шее, спасаясь от бьющего в лицо ветра. Я не заметила, как закончился город Славный, столица нашего королевства. Вслед мне голосили куры и хором брехали собаки, вместе с хозяевами осуждая бесшабашность королевской дочери, но мне было все равно. Мы с Борькой вырвались из сонного плена и теперь задыхались от напоенного цветочным ароматом весеннего ветра, играющего с нами в догонялки. И все это раздолье, эту вольную жизнь я должна бросить в угоду папочке? В угоду какому-то незнакомцу?!

В груди снова заворочалась злость. Я буду не я, если не испорчу завтра свадьбу и не отобью у женишка желание жениться!

И не только на мне!

Хижину тетушки я увидела издалека. Впрочем, вру! Сама хижина пряталась под раскидистой ивой и для посторонних глаз была совершенно неприметна, но вот иву невозможно было не заметить. И не только потому, что одинокое дерево шатром раскинулось у небольшого озера. Дело в том, что тетушка Мафяня подрабатывала ведьмой и для привлечения доверчивых горожан и путешественников, забредших в наше государство, украсила бедное дерево так, что издалека оно напоминало цирковой шатер – ярко, заманчиво и бросается в глаза, – мимо не проедешь.

Остановившись неподалеку от ивы, я спешила. Мафа очень не любила, когда клиенты подъезжали прямо к дому, и ругалась на это страшно и нецензурно. А все из-за чахлого садика с подозрительными травками, которые она нежно любила, трепетно выращивала и бережно добавляла в свои колдовские зелья и курительные смеси.

– Борька, дружок, побудешь тут? – Я ласково погладила жеребца по ярко-рыжей шерстке и совсем другим тоном скомандовала: – Лежать! И чтоб ни звука мне!

Коняга обиженно покосился на меня черным глазом, вздохнул и послушно лег. Выдрессировала я его хорошо! Лежать, рысцой, лапу – это он легко выполняет. Вот только по команде «умри» эта скотина начинает по-пластунски ползти, причем задом наперед.

Я усмехнулась. Ладно, молодой еще, зеленый. Научится!

Сделав несколько шагов, я обернулась, чтобы еще раз бросить взгляд на Борьку, почти незаметного на фоне пожелтевших камышей, и уже успокоенно направилась к хижине. Но едва я обошла озеро и, нырнув под ветки ивы, вышла к дому, как открывшаяся картина заставила меня замереть и покрыться холодным потом. У покосившейся от времени, приоткрытой двери мирно пасся привязанный к толстой перекладине забора, огораживающего тетины посадки, черный жеребец отца.

Ветер?

Неужели отец приехал к Мафе? Сам? Добровольно?!

Ох как мне все это не нравится!!!

Я сглотнула и, стараясь не шуметь, юркнула за дом. В хижине тети одна комната и одно окно, которое почти всегда открыто, а значит, есть все шансы узнать много интересного!

Влипнув в стену, я прокралась к распахнутым ставням и замерла, прислушиваясь.

Папаня всю мою сознательную жизнь официально недолюбливал мамину сестру и никогда не приглашал ее в гости! Что же такое могло случиться, что он, бросив все, примчался сюда?

Ответы на все мои вопросы не заставили себя долго ждать.

Голос отца – раскатистый бас – я узнала, едва он заговорил.

– Эх, Мафуша! Да кабы знать! Столько же лет прошло! Отдавай, говорит, мне его! Нужно оно мне до зарезу! – Послышался всхлип. – Эх, Мафанюшка!..

Всхлип?!

Я еще сильнее вжалась в стену, стараясь не пропустить ни слова.

– Эх, Ерема, а я предупреждала, что так все закончится! – Мафа, казалось, тоже была расстроена. – Что ж получается – сам повеселился, а Ваське теперь за тебя отдуваться?

– Да как ты могла подумать! – Голос отца загремел с новой силой. – Да неужто бы я не отдал, если бы оно у меня было?! Говорю ж! Я и думать забыл про Феникса и благодарность его! А когда вчера на охоте-то встретил – тут-то мне и поплохело...

– Поплохело ему, вишь ли! Сопли пузырями не пускай, дурень старый! Лучше вспоминай, куда эту чертову вещицу дел?

Снова слышался вздох отца.

– Отдал... Когда Ксана заболела. Ваське тогда от роду даже года не было. Приехал один лекарь... пошаманил, неделю от жены не отходил, и та поправляться начала. Да чего там! Такой веселой со дня нашей свадьбы ее не видел! Вот я и обрадовался! Думаю – вылечил! Говорю – как благодарить тебя, врач заморский? А он мне – колечко хочу, что на цепке золотой за трон висит. Я ему и то и это! Говорю – на кой тебе сдалась эта медяха? А он уперся! Говорит, ладно, уеду без него, а лечебное снадобье как делать, не скажу – вернется болезнь к королеве. Ну я и подумал...

– Что ты подумал? Раз у тебя все есть – можно и отдать? А подумать, что я это снадобье знать могу, не удосужился?

– Ну...

– Му! Эх, телок ты безмозглый! Как был вором-наемником, так и остался! Даром что Феникс тебя королевством наградил! Титул – его заслужить надобно!

– Да он мне только кольцо подарил, а корону я сам пожелал! Молодой был. Надоело вором быть, вот и думаю – чего мелочиться? Полюбить – так королеву, украсть – так миллион! – Голос отца сорвался.

– Ладно...

Деловито забренчали чашки. Скрипнул стул.

– ...Дело ясное, что дело темное. Колечко уже не сыскать... и с Фениксом не договориться... Он если чего потребовал – все! Вот только думаю... чего он у тебя королевство-то не попросил взамен? Васька ж дитя малое, кошка шальная! Чего он жениться-то на ней удумал?

Послышались тяжелые шаги.

– Так че-че! – В голосе отца зазвучали нотки злости. – Видно, решил, что женится, а после без волнений и трон возьмет, когда я дуба врежу!

– Так-то оно так... А с другой стороны: на кой ему такое махонькое королевство? Он же себе весь мир пожелать сможет с таким колечком-то!

– Знаешь, когда я вором был, мне и такое махонькое – целым миром казалось!

– Н-да-а-а... Влип ты, король Еремей! Надо было то колечко пуще глаза беречь, а ты его бродяге отдал! Как хоть звали-то? Не помнишь?

– От ты ж дура баба! – Рев отца даже заставил меня зажмуриться. – Совсем из ума выжила? Ты ж сама мне его сосватала, когда он у тебя проездом был! Не то Цитрамон, не то Цитрон... Или, может, это ты ему колечко то заказала? Помню, что ты говорила, когда Васька родилась! И когда я к сестренке твоей сватов заслал – тоже помню!

– Че, сдурел, старый?! – Тетя Мафания решила не отставать и тоже добавила в голос ультразвук. – Это ж надо было придумать! Если бы я то колечко заказала, так с чего бы мне все эти годы в глуши гнить? Из-за любви к природе?! Ладно. Подумаю, что с бедой нашей делать, и, если чего придумаю, завтра к свадьбе сообщу.

Скрипнул стул, послышались шаги, и голос отца глухо спросил:

– А если не придумаешь?

– Значит, будет у Васьки муж!

– Так он же страшный, как моя жизнь! – В голосе отца послышалось неприкрытое страдание.

– Как по мне – так просто прелесть! Впрочем, мне и Яков Леший нравился, пока ты его не депортировал в заповедник Лукоморья. А Феникс... он герой! Ты хоть знаешь, что ради знаний и силы он прошел врата Пекельного царства и вернулся? Не чета тебе, Ерема, мужик... Правда, не знаю, добился ли он того, чего хотел, но... Результат на лице, как ты видишь. Приходил он ко мне как-то года три назад, и таким от него жаром дохнуло...

– А чего приходил-то? – Теперь голос отца прозвучал совсем близко.

Я вжалась в стену. Приветливо зафыркал Ветер.

– Узнал чего надо и пошел дальше! Мы вроде как с ним давние знакомые. Все! Теперь возвращайся во дворец! Ко мне клиент подъехать должен.

Послышалось какое-то невнятное бормотание, ржание и удаляющийся цокот копыт.

Я облегченно вздохнула. Молодец Борька! Не выдал!

– И давно ты тут уши греешь? – Раздавшийся над ухом голос заставил меня подпрыгнуть. Из окна мне улыбалась тетя Мафа, еще довольно красивая, кудрявая, дородная женщина. Подмигнув, она приглашающе махнула рукой, будто невзначай откинув смоляной тяжелый локон, выбившийся на высокий белый лоб. Зеленые глаза хитро блеснули. – Давай заходи, племяшка. Обсудим!

Я не стала обходить дом, чтобы войти через дверь. Просто дождалась, когда тетина голова скроется в полумраке комнаты, подпрыгнула и, перекинув ногу, забралась в распахнутое окно.

– Мафа, у меня...

– Знаю! – отмахнулась она и снова поправила туго связанные в высокую прическу волосы. – Свадьба с Фениксом. Вот твой папаня-то учуди-и-ил! Было бы колечко, так не позарился бы этот колдун на тебя, недоросль!

– В смысле? – Не отводя от тети глаз, я плюхнулась в деревянное кресло, стоявшее у окна.

Мафа сосредоточенно пожевала ярко окрашенными губами, притянула табурет и устроилась напротив меня за круглым столом, уставленным всякой магической атрибутикой.

– Давай посмотрим, вдруг нам чего духи подскажут по этому вопросу?

– Только сначала расскажи все от начала до конца! – Я поерзала в кресле. – Кто такой Феникс, почему папа согласился на нашу свадьбу и как он мог быть вором? В смысле папа, а не Феникс. Это что, такой досуг у королев?

– А для чего, стесняюсь спросить, ты под окном уши грела? – Она прищурила подведенные шамаханской сурьмой вдруг потемневшие глаза. – Чтобы я тебе все снова рассказала?

– Да я... почти ничего не поняла! – Я виновато шмыгнула носом и, сделав бровки домиком, протянула: – Ну пожа-а-а-луйста!

– Ладно-ладно, не ной! Расскажу я тебе страшный секрет твоего папани. – Тетка деловито придвинула к себе какую-то высохшую птичью лапку и принялась ею обмахивать большой стеклянный шар. – Значит, так. Когда-то давно твой отец на ярмарках и городских базарах подрабатывал вором. И вот однажды возвращался он на вечерней зорьке в свою деревню, смотрит – а впереди на дороге четверо здоровяков какого-то бедолагу мутузят. Может, Еремей бы и не вступился за бродягу, кабы можно было их обойти. Да там с одной стороны болото к дорожке подходило, а с другой – овраг глубокий. По крайней мере, это твой папаня мне так

набрехал. – Тетушка усмехнулась и снова принялась рассказывать, рассеянно вглядываясь в белесую пустоту магического шара: – Так вот. Вступился Еремей за бедолагу, хотел начистить рожу супостатам, а они возьми да и обратись нечистью. Ну Ерема не из робкого десятка, как ты знаешь. Начал им молитву Воскресения читать. Те взяли да и подевались куда-то, только жертва обстоятельств на дороге лежит, не шевелится. Ну батя твой подошел ближе, и тут человек возьми да и открой глаза. А они – что твоя серебряная монетка! Перепугался Еремей, уже сбежать хотел, да тут спасенный Фениксом назвался и протянул ему колечко. А прежде чем исчезнуть, посоветовал желание самое заветное загадать. Ну папаня твой и загадал, не будь дурень, чтобы в него влюбилась принцесса из ближайшего царства-государства. А какая – не сказал... чтоб его! – Тетка печально вздохнула. – И в него влюбилась моя милая старшая сестренка.

Меня озарила внезапная догадка.

– Вы обе влюбились в него?

– Угадала. – Тетя поджала губы и обиженно процедила: – Но этот кобель выбрал твою мать. Возможно, потому что она была первой претенденткой на трон. А потом для него все удачно сложилось. Наш отец, король Федор, умер, и корону приняла моя сестра. Так твой отец и стал правителем Ромашкового королевства и переименовал его в королевство Еремеево...

– Замечательно! – Я побарабанила пальцами по подлокотнику кресла. – Ладно. С этим фактом биографии моего папочки разобрались. А чего этому Фениксу от меня-то надо?

– Понимаешь, он вчера на охоте к Еремею явился и ну давай колечко дареное требовать назад. Мол, от него теперь многое зависит. А Еремей только руками развел. Говорит – нету! Бери чего хочешь! Вот тут Феникс у него и попросил. Тебя. За долг.

– Здорово! – Мотивы папеньки теперь понятны, но мне от этого не легче!

– Здорово-то здорово – у ворот Егоровых, а подальше от ворот все совсем наоборот! – передразнила Мафа, не вставая, дотянулась до полки, где ровным строем стояли шесть расписных глиняных чашек. Подцепила две и, подставив к пузатому самовару, по очереди принялась их наполнять зеленоватой, исходящей паром жидкостью. – Хочешь?

Передо мной появилась чашка с еще бурлящим варевом. Я с опаской принялась. А ничего... пахнет мятой и еще какой-то травой.

– Это что?

– Чай. Бодрит. – Она звонко помешала ложкой напиток и отхлебнула. – У тебя аллергии на мухоморы нету?

– Есть! – вздохнула я, с сожалением отодвигая чашку. Пока не знаю, хочу ли я свести счеты с жизнью или нет, а посему с чайком, настоящим на мухоморах, повременю. – Так что мне делать-то?

– А чего делать? – Громко прихлебнув чаек, она причмокнула и посоветовала: – Выходи замуж за Феникса! Пусть он не твой ровесник, зато богат. Колдун. А настоящих колдунов всегда уважали. Будешь как сыр в масле кататься.

– А сколько ему лет? – Я насторожилась и принялась буравить Мафу взглядом судьи.

– Ну... – замаялась она. – Постарше меня будет. Точно. Насколь – не знаю. Да только по нему и не скажешь!

– Нет, замуж я категорически не хочу! Тем более за старика!

– Да, может, и хорошо, что старик! – отмахнулась чертовка. – С супружеским долгом приставать не будет.

– А зачем тогда ему жениться? – Я пытливо прищурилась.

Тетя занервничала:

– Так... может, одиноко ему? Вот и будешь кашки варить да сказки по ночам рассказывать. Как подружка моя Шакира Зада – дал же бог имечко... Вышла замуж за маньяка-убийцу с прогрессирующим склерозом и промывала ему мозги, пока тот не забыл, зачем на ней женился.

– Нет, тетя! Я не настолько сумасшедшая. И я здесь не для того, чтобы выслушивать жуткие истории о моем будущем. – Я встала с кресла и подошла к ней. – Ты же можешь мне помочь избежать этой свадьбы?

– Мм... – Мафа пожевала губу и вдруг решительно помотала головой. Черный локон снова выбился из высокой прически и пружиной запрыгал у виска. – Нет. Не получится. Но! – Заметив мои раздувающиеся от возмущения и отчаяния ноздри, тетя поспешно подняла вверх указательный палец. – Думаю, что Феникс затеял эту женитьбу, чтобы досадить твоему папаше. И значит, прости, дорогая, но ты сама ему до лампочки. Поэтому, думаю, тебе с ним можно договориться. Верни Фениксу злосчастное колечко, и пусть он подарит тебе развод.

– Но как я верну ему это колечко? – Я погрузилась. – Оно же исчезло в неизвестном направлении столько лет назад!

– Не совсем! – Тетя смущенно поколупала выбоину на чашке, залпом выпила настой и решила. – Знаю я того Цитрона-лекаря, что колечко стибрил. Дружком он мне был когда-то. Помогу тебе его найти. А чтобы не отвертелся – будем связь через интерактивное зеркальце держать. – Она протянула мне заляпанный зеркальный кругляшок. – Бери-бери! Пальчиком коснешься – меня увидишь, и тогда спрашивай, чего захочешь. Только тайком. Народ у нас дикий – магию любят, но боятся. А ежели ты... без рекомендаций – так и вовсе на костре сожгут и фамилию не спросят.

– Вот спасибо за подарочек! – вздохнула я, зеркало взяла и тихо пробормотала: – Еще один способ уйти из жизни, когда совсем не вмоготу будет!

Но тетя на слух не жаловалась.

– Успеешь! Ишь чего удумала! Жизни лишаться! Лучше кумекай, как тебе после свадьбы от Феникса сбежать? Колечко-то выручать надо, да и жизнь твою погубленную тоже...

– За это не волнуйся! Сбегу! – Я решительно придвинула к себе стеклянный шар и попросила: – Ну-ка, покажи мне этого Феникса!

– Ха! Это ж Феникс! – хохотнула тетя и посерьезнела. – Если не захочет – никто его не увидит, особенно через мой дешевый шар.

– А ты попробуй! – не отставала я, и Мафания сдалась.

– Ладно. Попробую. – Она возложила руки на стекляшку и, закатив глаза, могильным голосом завывала: – Феникс!!! Приди! Покажись! Появись! У-у-у-у-у-у-у-у-у!

– Теть, а можно без твоих спецэффектов?

– А? – Мафа недоуменно посмотрела на меня, поморгала и звонко расхохоталась. – Вот ты черт! Уже по-другому и не могу! Все на публику стараюсь... Что значит профессионализм! Ладно... а если так?

Но поэкспериментировать ей не удалось. Стекло шара вдруг замутилось, и в его таинственной глубине я увидела крошечного, одетого в черный балахон мужчину. Он сосредоточенно расхаживал по каменным плитам мрачного, освещенного факелами зала. До меня донеслось бормотание:

– Три... Кольцо Юпитера в шестом доме Луны. О отец! Помоги! Дай свершиться моей мечте! Ты же знаешь, как долго я этого жду!

– Тетя, а приблизить его можно? – не выдержала я. – Лицо бы разглядеть!

Мафа сделала страшные глаза, выразительно показала мне кулак и приложила к губам палец. Картинка с крошечным мужчиной начала стремительно увеличиваться. Я с жадностью вгляделась в вырастающую с каждым мгновением фигуру. И тут мужчина перестал мерить шагами зал, настороженно замер и стремительно обернулся.

Я застыла.

Охнув, тетя торопливо накинула на шар край скатерти и несколько раз перекрестилась.

– Ох ты господи! Да что же это... Да кто же... Да как же...

Я перевела на тетю полный ужаса взгляд и просипела:

– Ни за что за него не выйду! – Теперь это искалеченное шрамами и огнем лицо с ртутными, невероятно серебристыми глазами будет преследовать меня в кошмарах! – Он же... он...

– Знаю, девонька...

– И лысый!!!

– Ох бедняжечка...

– Я сбегу-сбегу-сбегу-у-у-у!!!

– И сама бы помогла тебе сбежать... но... – Тетка поднялась, жалостливо прижала меня к своей пышной груди и пробормотала: – Убьет он тогда отца-то твоего... Сожжет!

– А что мне делать? – Я отстранилась.

Тетя нахмурилась и, перестав изображать мировую скорбь, деловито заговорила:

– Я думаю – вот что! Пусть завтра ваша свадьба произойдет. Ею ты отца убережешь. А после бежать тебе надо. Добираться в город под названием Болотная Гать, что в царстве Берендея. Ты не гляди, что название пакостное. Это такой наукоград в ихнем царстве. Там живут и работают знахари и целители всех мастей и категорий. Ты, главное, зеркальце при себе держи, чтобы потом этому ворюге Цитрону очную ставку со мной устроить. И вот еще. – Она протянула мне брошку – серебряную веточку с зелеными камушками.

– Зачем? – Я взяла украшение.

Тяжелое!

– Это принадлежало твоей... матери. Она просила отдать тебе украшение, когда ты вырастешь и замуж пойдешь. Надень, когда тяжело будет... – Тетя смахнула невидимую слезу и заторопила, выталкивая меня из комнаты: – Ну все, иди! А то с собаками искать начнут! Папке обо мне и о том, что услышала, – ни слова. Изображай покорность и вселенское горе. Пусть у этого ирода сердце кровью обливается, чтобы в следующий раз головой думал!

Я вышла из дома Мафы, пропахшего травами и пылью, положила украшение в карман к зеркальцу и вдохнула пропитанный озерной прохладой воздух.

Дело ясное, что дело трудное! Сбежать после свадьбы? Мм... даже если будет очень трудно, почти невозможно – я попытаюсь это сделать! Даже если оглошу жениха сковородой в первую брачную ночь! А чего? Он все равно колдун – ничего с ним, кроме шишки на лбу, не будет!

– Ах ты зараза!!! – Тетя вышла следом – проводить, а заодно и убедиться, что я действительно уехала. Всплеснув руками, она сорвала с ноги поношенную тапку и пульнула ее куда-то за дом. – Васька! Какого... твоя кобыла пасется на моем огороде?

– Хм, мадам, прошу прощения, – вдруг из-за дома раздался мелодичный тенор, послышался цокот, и из-за угла вывернул Борька. – Но... я не кобыла! Я – жеребец, причем редкой породы!

Я вытаращила глаза, не в силах даже пошевелиться, зато тетя Мафа, кажется, держала ситуацию под контролем. Ничуть не удивляясь, она не торопясь отломала от ивы прут.

– Еще и болтанку чашелистную сожрал! А ну-ка... Пшел!

– Ваша агрессия, мон ами, исходит от одиночества, случайных половых связей и...

– Пшел, сказала! – Прут рассек воздух там, где только что умничал Борька.

Вовремя вспомнив мою дрессуру, коняга рухнул в траву, разбросав копыта в разные стороны, и пополз вперед, загребая ими, словно заправский пловец. Мафу такая гуттаперчевость озадачила больше его разговорных способностей. Она на несколько мгновений замерла, во все глаза наблюдая за тем, как рыжий вредитель непостижимым образом уползает из-под ее накающей лозы, и, только когда он скрылся за камышами, беззлобно ругнулась:

– Ну чертяка! Да еще такой умный, аж тошно становится! А как он узнал, что у меня с полом в доме совсем плохо? Что и говорить, за столько лет доски-то поизносились.

– Меня больше волнует, как теперь заставить его замолчать? – отмерла я, выискивая взглядом притаившегося за камышами Борьку.

– Так прикажи заткнуться! – Лоза полетела в траву. Мафа развернулась и, прежде чем скрыться в доме, посоветовала: – Если ты так выдрессировала свою рыжую скотину, что он по земле как гусеница ползает, то заставить его замолчать, думаю, будет проще простого – вот только зачем? Кто еще тебе скажет правду-матку, не опасаясь твоего гнева и статуса, а? Принцесса?

Не отвечая, я вышла из-под стекающих зеленым водопадом веток ивы, покосилась на солнышко, неотвратимо спешащее к горизонту, и бросилась к Борьке. Увидев меня, он вскочил и в нетерпении запрядал ушами.

– Ну, говорящий ты мой, поехали домой, и побыстрее!

Всунув ногу в стремя, я взлетела в седло и едва успела вцепиться в поводья. Лошадка стартанула так, будто за нами несутся черт или как минимум мой будущий муж.

При воспоминании о жутком облике, привидевшемся мне в магическом шаре, у меня в животе зашевелился холодок.

Этого не может быть! Этого не может быть со мной!!!

– К слову сказать, хозяйка, на будущее. Если ты не будешь: колотить меня пятками в бок, стегать хлыстом и ерзать в седле так, будто собираешься пробежать стометровку на ягодицах, – я в свою очередь впредь обещаю не срываться с места в галоп. Если благодаря чудо-траве я теперь могу говорить – пожалуйста, научись со мной общаться! А то мне будет ску-у-учно!

Обалдеть! Не думала, что говорящий конь – это наказание господнее! Представляю, чего бы я наслушалась от дворцового кота, если бы еще и он наелся этой «чудо-травы»!

– Знаешь, – я все-таки ткнула пятками вредную животину, – если ты хочешь, чтобы мы были на равных, надо было и мне захватить пучок этой чудо-травки! Подождем до завтра? Если ее эффект пройдет, то мне и мучиться не надо будет – привыкать к тебе, такому умному!

– Умный – не синоним «вредный», а как мне показалось, ты сейчас сказала именно в таком подтексте! – снова выдал Борька заумную фразу, из которой я поняла только несколько слов и то, что какая-то «конина» меня назвала «дурой». Образно!

Чтобы окончательно не сойти с ума и не закатить жеребцу скандал, я решила промолчать. Только крепче стиснула зубы и даже прильнула к его шее, чтобы выдержать галоп.

К счастью, конь действительно оказался умный. Ответа не потребовал, скандалить не полез, и мы довольно быстро (к закату) оказались у загона, где меня и поджидал хмурый папа.

– Где тебя носило! – загремел его бас, едва мы въехали в ворота. – Что я тебе сказал? У тебя завтра свадьба, а ты ведешь себя, будто ничего не происходит! Тебя вон портниха весь день дожидается!

– Значит, дождалась. – Я легко прыгнула на землю, хлопнула Борьку по крупу, позволяя конюху его увести, и запоздало испугалась: а ну как жеребец загнет чего-нибудь этакое? Папа его сразу же на живодерню отправит. Во-первых, потому что решит, будто в него вселился бес, а во-вторых, потому что не захочет быть тупее лошади!

К счастью, это Борька и сам понимал. Беседу не завел, только хлестнул меня напоследок хвостом по руке и неспешно направился вслед за Парамоном в стойло.

Не дожидаясь мрачного отца, я бросилась через сад по мощенной булыжником дорожке, выбирая самый короткий путь во дворец. Взбежав по ступеням крыльца, я юркнула в приоткрытые двери и, привычно не обратив внимания на истуканов-стражников, устремилась по лестнице, серпантинном уходившей вверх.

Вот и мой этаж. Закатные лучи солнца, пронзая узкие пыльные окошки, уже давно не скрывали облупившуюся позолоту на светильниках, пыль на некогда сияющих яркой краской ставенках. А вышарканная ковровая дорожка уже и не помнила свой изначальный цвет и узор. Что и говорить, дворец, как и все крохотное королевство батюшки, медленно, но верно приходил в упадок.

Распахнув тяжелую дверь моей светелки, я замерла на пороге, разглядывая снежно-белое кружевное платье, которое, словно ангел, парило под высоким потолком. Две дворцовые портнихи, вцепившись в него с двух сторон, будто боясь, что их творение сейчас улетит, таранились на меня, как на ожившего покойника. Наконец одна из них обрела дар речи и торопливо забормотала:

– Принцесса Василиса! Мы не хотели входить в ваши покои без вашего разрешения, но король повелел за день сшить свадебное платье, а вас не было...

– Поэтому мы сняли мерки с вашей одежды... – подхватила другая.

– Знаю-знаю! – Я шагнула в светелку и угрожающе захлопнула дверь. Вот, значит, как?! – Батюшка говорил, что вы придете. Ну сняли так сняли... Ради дела можно и в чужих вещах порыться... Я на вас не в обиде!

– Вы так добры, только...

– А как бы примерить платье, госпожа? – Портные почувствовали безнаказанность и решили брать быка за рога, но бык, то есть я, подставлять рога не пожелал.

Нет, не потому, что мой наряд мне не нравился! Платье было невероятным. Легким, кружевным, с обнаженными плечами и длинным шлейфом! Словом, если бы я выходила замуж за любимого, лучше платья и представить было бы сложно, но радовать глаз мерзкому уроду, который, похоже, и сам не знает, чего хочет в этой жизни? Фигушки! Поэтому я с удовольствием продемонстрировала белошвейкам свой монарший характер.

– Никак! Я очень устала и хочу спать. А значит, сегодня ничего мерить не буду! – отрезала я и, не раздеваясь, плюхнулась на кровать. – Или вы не доверяете собственному профессионализму?

Каких слов понахваталась! Не иначе от коняги!

Портнихи переглянулись, смерили меня взглядом оскорбленного достоинства и гордо упорхнули за дверь.

Платье осталось висеть посреди комнаты, прицепленное за свисавшую с потолка люстру. Мне вдруг так захотелось вышвырнуть его в распахнутое окно, но я понимала, что это ничего не даст. Платье – лишь попытка скрасить завтрашнее жертвоприношение со мной в главной роли.

Я устало закрыла глаза. Ничего не хочу. Только спать!

Но как назло, перед мысленным взором тотчас предстало лицо моего будущего мужа. Теперь он смотрел прямо на меня, так, словно видел. Будто передо мной по-прежнему находился магический шар Мафы, или я находилась в этом шаре...

Интересно, с чего отец решил, что Феникс – старый? Обезображенное, будто сожженное лицо без бровей скрывало его возраст словно маска. На лысом черепе ни единого волоска. Серебристые ясные глаза смотрят равнодушно и остро.

Вдруг он протянул ко мне руку, и я почувствовала жар там, где коснулись моей щеки его пальцы. Даже не пальцы, а... угольки?! И тут Феникс вспыхнул. Пламя метнулось ко мне, мгновенно опалив лицо адским жаром, делая меня такой же уродливой, как и он сам...

Глава 2

Распахнув глаза, я села на постели и долго пыталась отдышаться, приходя в себя от при-
снившегося кошмара. Господи, женишок мне лишь приснился, и я чуть богу душу не отдала,
а что будет, когда я его увижу? А если он вознамерится воспользоваться правом мужа?!

Ну спасибо, папочка! Ну угодил!

Господи, помоги!

Словно в ответ на эти мысли в дверь деликатно постучали. Не дожидаясь моего позво-
ления, в светелку шагнул мрачный родитель.

– Вась... ты это... Там в часовне уже народ собрался. Я понимаю, что невесту надо ждать,
и все такое... но ты бы поторопилась...

– А что? Так не терпится от меня избавиться? – Я поднялась и, бросив на папеньку пол-
ный обиды взгляд, подошла к окну.

Эх... а погода-то какая! Яркая лазурь майского неба такая синяя, словно бездонный
океан перевернулся и повис над головой. И как на грех – ни облачка! Тетя Мафа всегда гово-
рила – если чего не к добру, то и природа плачет вместе с тобой, а тут... Н-да... не все приметы
сбываются... Ну скажите, что за счастье меня ждет вместе с... даже не знаю, с человеком ли?
При мыслях о суженом настроение испортилось вконец.

– Феникс уже явился?

– Пока нет. Но думаю, он явится сразу же, как только придешь ты.

Я обернулась к топтавшемуся у меня за спиной папане.

– Бать, скажи, только честно, почему – он?

Отец резко поскучнел.

– Долгая эта история... Как-нибудь потом расскажу. – Отец замялся под моим присталь-
ным взглядом, покусал усы и, не глядя мне в глаза, выдал: – Ну обещал я ему тебя, Вась! В
долгу я перед ним... Он... он мне как-то жизнь спас!

Ах вот оно как! И ведь не знала бы – поверила!

Отец, посчитав объяснение исчерпывающим, принялся меня уговаривать:

– Да ладно тебе, доча, с лица воду не пить... Мужчина он видный, известный, богатый.
Ты давай одевайся, собирайся...

Тут дверь без стука отворилась, и в комнату впорхнули три служанки. Увидев короля,
они поклонились и застыли на пороге, глаза на нас.

– Да поторопитесь! Ждем! – раздраженно смял монолог папаня и, так и не дождавшись
от меня ни звука, поспешно вышел.

Служанки плотно прикрыли за ним дверь и всерьез принялись исполнять королевскую
волю. Привычно раздев, они поставили меня в корыто и принялись поливать теплой водой из
кувшина, не забывая натирать ароматным мылом. Затем обмыли, вытерли, побрызгали души-
стой водой и натянули белоснежные панталоны, гольфы, юбки и корсет, а уж после на меня
обрушилось все кружевное великолепие моего свадебного платья.

После мне долго выдирали волосы, пока не смастерили на голове что-то невообразимое, и
наконец подтолкнули к зеркалу. Взглянув на свое отражение, я замерла. Неужели эта тоненькая
красавица с ниспадающим водопадом светлых локонов, огромными синими глазами в обрам-
лении густых ресниц, с изящными темными бровями – я?

Моих обнаженных плеч коснулся прохладный ветерок, заставив поежиться. Что и гово-
рить, декольте портниха, на мой вкус, сделала уж слишком глубоким! Надо было все же платье
вчера померить. Эх, кого теперь винить?

Сдунув русый локон, строптиво выбившийся из великолепной прически, я прищурилась. Ничего! Еще посмотрим, кто кого! Я не я буду, если не оправдаю данное мне в народе прозвище Василисы Премудрой!

Мазать губы свекольным соком и подводить глаза шамаханской сурьмой я отказалась наотрез. Еще чего не хватало, так выживаться перед обгоревшем франтом! Только немного пощипала себя за щеки, потому что, по уверению моих «экспертов красоты», я выглядела как покойник, а покойников на свадьбах не очень-то любят...

Очень хотелось им ответить, что по сравнению с женихом я – эталон жизни и красоты, но промолчала. Все равно их на свадьбу не пустят, так зачем распалять любопытство и вызывать жалость?

Затем меня обули в удобные туфли-лодочки и, подхватив под руки, вытащили в коридор. Потом была лестница. Холл. Площадь. Сад.

Когда мы подошли к часовне, дворцовые часы пробили полдень. Служанки остановились перед скрещенными пиками стражников, а я, в который раз пробормотав молитву, начала подниматься по белокаменным ступеням.

Точно знаю, что у дворцовой часовенки их ровно пять, но сейчас мне показалось, что их на сотню больше.

И все же вечно откладывать неизбежное нельзя...

Едва я появилась на пороге, как сразу все разговоры стихли. Гостей было мало. Несколько папашиних советников с женами да с пяток зажиточных горожан. Скорее всего, о моем бракосочетании среди простого люда решили не распространяться. Мало ли...

Я нашла взглядом отца. Мафани не было.

Что ж, неудивительно. Она терпеть не могла столичных вельмож.

Хотя и жалко... Я до последнего надеялась, что она придумает что-нибудь этакое...

Священнослужитель словно очнулся и срывающимся голосом затянул псалмы. Я глубоко вздохнула и, стараясь ни на кого не смотреть, решительно направилась к алтарю, кожей чувствуя направленные на меня взгляды гостей. Любопытные, скучающие, равнодушные.

Боже, зачем я здесь?

Вдруг сердце уколола обида. Как же все это неправильно – не познав любви, вот так заживо себя похоронить! А что делать? Надо выручать папаню!

У алтаря я остановилась и вопросительно взглянула на священника.

Ну и где Феникс?

А вдруг жених сбежал? Вот было бы счастье!

Но, к сожалению, моим мечтам не суждено было сбыться. Я вздрогнула, услышав, как с грохотом захлопнулись двери часовни. По рядам зевак прошелестело «ох!», и у меня за спиной раздались приближающиеся тяжелые шаги. Затаив дыхание, я будто окаменела, не в силах обернуться. Колени противно задрожали, а когда я увидела тень гостя, коснувшуюся алтаря, и вовсе чуть не уселась наземь. С каждым шагом тень продолжала расти, пока не закрыла собой и алтарь и священника. Мне даже показалось, будто тень – живая!

Наконец мой жених приблизился, и шаги оборвались. Я бросила на него быстрый взгляд, борясь с разрывающим любопытством и обессиливающим ужасом, но ничего ужасающего в высоком, с головы до ног закутанном в черный балахон мужчине не увидела. Лицо скрывала плотная ткань низко надвинутого на глаза капюшона. Вот только я знала, КТО скрывается под ним.

– Горожане, мы собрались здесь... – стараясь не смотреть на нас, начал прерывающимся голосом священник, но Феникс его вежливо перебил:

– Давайте к завершению, отец. Все гости знают, зачем мы здесь собрались, так не будем тратить их драгоценное время.

Я с тревогой вслушалась в глухой, с легкой хрипотцой баритон. Ох как не похож он на старческое дребезжание!

Священник на миг задумался, бросил на него растерянный взгляд и, пожав плечами, выпалил:

– Согласны ли вы стать мужем и женой?

– Да. И закончим на этом, – снова ответил за нас обоих Феникс.

– Пусть и невеста скажет! – вдруг нахмурился священнослужитель.

– Пусть... – Мой жених шевельнулся.

Упрямо разглядывая пол, я почувствовала его полный нетерпения взгляд. Наступила гнетущая тишина.

В глазах вдруг потемнело, и отчего-то вспомнился сон. Я оперлась рукой на алтарь и едва слышно прошептала:

– Да!

Почти сразу же из-под свисавшей ткани черного балахона показалась молодая рука с длинными пальцами и тяжело легла на мою.

От неожиданности и волнения мне показалось, что его ладонь обжигающе горяча. Все вокруг предательски закружилось, и, не в силах противиться липкой, ватной темноте, я начала оседать на пол. Меня подхватили сильные руки жениха, точнее уже мужа, и, прежде чем я окончательно провалилась в беспмятство, передо мной возникли серебристые глаза из ожившего кошмара.

Щебетание птиц, бархатистое гудение шмелей и ветер...

Я улыбнулась. Причмокнула губами и зарылась носом в подушку. Ну и ужас же мне принился... Значит, ничего не было? Я по-прежнему дома, и страшная свадьба всего лишь сон?

Расскажу папеньке, то-то повеселится. Или к Мафе отправит за разъяснениями.

Послышался тихий скрип двери, шаги. Кровать просела под тяжестью гостя.

А вот это уже не сон.

Ощущая пристальный взгляд, я сделала над собой усилие и вынырнула из пут дремоты. Приоткрыла глаза, ожидая увидеть папеньку, и вытаращилась на застывшую рядом со мной фигуру в черном балахоне. Окончательно проснувшись, я рывком села на постели, едва не запутавшись в свадебном платье. К счастью, жуткое лицо мужа по-прежнему скрывал низко надвинутый на глаза капюшон. Да и на меня он не смотрел, а разглядывал устланный циновкой пол.

Значит, свадьба – не кошмар, а реальность?! И я теперь собственность этого... этого... Я даже не знаю кого!

И интересно – где я?

Я окинула быстрым взглядом небольшую спальню. Белые стены, стол, стул и кровать – вот и вся обстановка... В распахнутые ставни вливается раскрашенное багрянцем закатное небо, и недвусмысленно уходит ввысь высоченная каменная стена.

Да-а-а, похоже, я еще и узница!

Путаясь в свадебном платье, я торопливо начала отползать к стене, подальше от моего дорогого супруга, но он словно не заметил моих маневров, продолжая все так же старательно разглядывать пол.

Наконец он заговорил:

– Благодарю, что оказала мне честь, став моей женой. Если честно, я не ожидал, что ты согласишься. Не всякая девушка рискнула бы выйти замуж... за такого, как я.

Почувствовав за спиной стену, я вжалась в нее и замерла, вслушиваясь в голос мужа. Если бы закрыть глаза и только слушать, я бы с легкостью смирилась со своей участью: бархатный, мягкий, с легкой волнующей хрипотцой... голос совершенно не вязался с его обезображенным

лицом! И его нечеловеческими глазами... Сейчас он не смотрел на меня, но я помнила его изучающий взгляд.

– Такого, как ты? А какой ты? Кто ты? – выдохнула я и тут же испугалась своей смелости. Хотя... Ну не убьет же он меня? Хотел бы – давно бы это сделал, избежав церемонии бракосочетания!

– Я? – Казалось, он замешкался и взглянул на меня. Я сжалась, увидев его блестящие в тени капюшона глаза. – Колдун. Чернокнижник. Но вообще... никакие аспекты магии мне не чужды. Однажды я даже практиковал некромантию. Еще вопросы?

– А зачем тебе я? – Колдун! Не было печали, но папенька когда-то спас непонятно кого и непонятно зачем, а я сейчас отдувайся!

– Если я скажу, что был очарован твоей красотой, следил, как ты расцветала, – поверишь? – Он откинул капюшон, обнажив совершенно лысую голову. Его серебряные глаза насмешливо прищурились. Вблизи они казались еще страшнее. Будто залитые ртутью бельма, но отсутствие зрачка не мешало ему видеть!

Помня наказ тетушки, я постаралась забыть, кто передо мной. Неважно, какие у него глаза! Сейчас самое время, чтобы договориться с ним о колечке и моей свободе. А самое главное – научиться его не бояться, иначе диалога не получится!

Набравшись смелости, я отлепилась от стены, удобно уселась, по-шамахански скрестив ноги, и затараторила:

– Ну да... Рассказывай сказки! Очарован он был! Я все знаю! Ты пришел за кольцом, а я – твоя моральная компенсация! Только хочу сразу расставить все точки над «ё». Я тебя не люблю! Я не признаю брак по расчету и не вижу в наших отношениях будущего. Поэтому предлагаю сделку – я найду тебе кольцо, а ты дашь мне развод и навсегда отстанешь от моего отца и от меня!

– Хм... Заманчивое предложение. – Он продолжал буравить меня взглядом. – Вопрос только в том – как ты найдешь мое кольцо? Даже твой отец не знает, где оно.

– Мафаня сказала, что лекарь, который его увез, живет в соседнем царстве. В городе Болотная Гать. Э-э-э... – Пришедшая вдруг мысль заставила меня замолчать. Зачем я все это ему рассказываю? Не хватало только, чтобы муженек сам отправился на его поиски!

Но Феникс ни словом, ни жестом не показал, что его заинтересовало сказанное мной. Он продолжал сверлить меня задумчивым взглядом, а его тонкие губы чему-то улыбались. Вдруг он поднялся и, не прощаясь, направился к двери.

– Эй! – Я вскочила следом и бросилась за ним. – Так что ты решил?

У самой двери он внезапно развернулся, так что я, не успев остановиться, налетела на него и оказалась в его объятиях. Увидев близко его жуткие серебристые глаза, я с силой зажмурилась и даже задержала дыхание, боясь пошевелиться.

– А решу я вот что. – Жар его тела, на мгновение опаливший меня, отступил. – Я не хочу принимать твои условия! Кольцо я найду сам, а ты с этого самого дня и навсегда останешься моей пленницей и... женой. Я тоже не поклонник фиктивных браков!

Послышался стук двери.

Я обреченно вздохнула и открыла глаза. Поздравляю! Мои самые жуткие опасения сбылись. Феникс ушел. Я умудрилась все испортить и напоследок разозлила того, от кого зависит моя жизнь. Моя свобода!

Но... я ничего не могла с собой поделать – его ужасный облик меня страшил!

А может, еще не все потеряно?

В надежде исправить ошибку я бросилась к двери, но она распахнулась сама, и в комнату шагнула мрачная, высокая и худощавая женщина неопределенного возраста.

– Госпожа? – Ее голос с аглицким акцентом был резок и как нельзя кстати подходил к ее облику. – Позвольте представиться. Я – домоправительница господина Феникса, а также, к

несчастью, ваша помощница и тюремщица на время отсутствия вашего мужа. Мое имя Евлампия Ферাপонтовна. Но можно просто Лампа.

– Э-э-э... – Я замялась. Неожиданное имя для заграничной стервы... – Лампа? А... где мои вещи? Со мной были сундуки или что-нибудь еще, когда я сюда попала?

Домоправительница смерила меня презрительным взглядом и с легкой ухмылкой процедила:

– А... Наверное, ты говоришь о том барахле, что господин Феникс приказал сжечь?

У меня перехватило дыхание.

– Мои вещи? Сжечь?

– Да. Он сказал, что у него есть лучшая огранка для его бриллианта. Видимо, это он о тебе?

Бриллианта? Значит, мое предложение с кольцом изначально не имело смысла? Он не собирался торговаться со мной, потому что считает, что... я – его бриллиант?!

Я едва не застонала. Боги, чем же я ему так приглянулась?

– Пожалуйста, Пимпа...

– Лампа, – тут же чопорно поправила она. Если честно, больше всего эта женщина мне напоминала вяленую рыбу: сухую, жесткую и колючую.

– А... ну да. – Я набрала в грудь побольше воздуха и выпалила: – Отведите меня к моим вещам. Там есть подарки господина Феникса, а сами понимаете – если они сгорят по вашей вине и халатности, то вас накажут, использовав в качестве полена для растопки! Чем, между нами, вы и являетесь! – Эх, не люблю быть хамкой, но в этом случае терять все равно нечего, а лишиться маминой броши и зеркала Мафы я не могла!

Ничего не ответив, Евлампия развернулась и вышла в коридор, оставив дверь открытой. Значит ли это, что я должна отправиться за ней?

Не раздумывая больше ни мгновения, я бросилась следом и оказалась на увитой виноградом террасе. Закатное солнце раскрасило красным золотом янтарные досточки стен. В углу притулились два деревянных резных кресла и дубовый стол. Сразу за террасой раскинулся богатый сад, за которым, как вечное напоминание о том, что я в плену, высилась каменная стена.

Батюшки, да где же мы? Не скажу, что я все знаю в моем королевстве, но такую стену точно бы заметила! Значит, дом Феникса в другом королевстве? Знать бы еще в каком?

Я догнала служанку и тронула ее за рукав.

– Пифа... Э-э-э... а мы где? – Не скажу, что мне было принципиально дразнить эту гримзу, но хоть какое-то развлечение...

Она дернулась словно от пощечины и остановилась, разглядывая меня прозрачными льдинками выцветших глаз.

– Во-первых! Я – Лампа! А если вам трудно запомнить это сокращение, называйте меня полным именем. Евлампия Ферাপонтовна! – перешла на «вы» эта особа. Явно чтобы подчеркнуть бездну, разделяющую нас.

– Без проблем. – Один черт не запомню, так чего спорить? – А во-вторых?

– А во-вторых, отвечая на ваш вопрос – это личные земли господина Феникса, и, если вы не знаете их географическое расположение, могу только посочувствовать. Вашему супругу!

Грымза развернулась и, печатая шаг, вышла в сад.

Ах так! Ну ладно.

– Лимантия Фепаронтовна, а вопрос можно? А мой супруг – он кто? – Я догнала тихо звереющую домоправительницу. – Ну... то, что он – страшный лысый дядька с серебристыми глазами, я уже поняла. А кто он по жизни? Можно узнать, к примеру, характер, предпочтения, политические взгляды?

Визг, вырвавшийся из ее глотки, заставил нас с Борькой вжаться друг в друга и замереть, молясь только о том, чтобы это «звуковое оружие массового поражения» как можно быстрее перестало терзать наши уши. И бог внял нашим молитвам. Не замолкая, домоправительница вдруг рванула по дорожке с такой скоростью, что очень быстро в вечерней тишине растаял не только ее топот, но и визг.

– Привет, хозяйка! – Борька щекотно фыркнул мне в ухо. – Здорово я ее пуганул?

– Здорово-то здорово! – Я погладила его бархатный нос. – Только как ты тут оказался?

– Элементарно! После вашей скоростной свадьбы твой новоиспеченный супруг наколдовал странную вертящуюся воронку, и в нее начали скидывать все эти сундуки. Я заподозрил неладное. А уж когда и он сам, с тобой на руках, шагнул в эту воронку, тут я и не выдержал! Точнее, Парамон. Как врежет мне по задку хворостиной, ну я его лягнул с двух копыт и с места в галоп. Сам не заметил, как в эту воронку влетел. Очутился в этом саду. Конец истории.

– Эх, Борь... лучше бы ты дома оставался. Не нравится мне тут... И сбежать не сбежишь. А еще я потеряла зеркальце, что мне Мафа дала...

Отстранившись от жеребца, я направилась к последнему сундуку, уже и не надеясь, что там найду пропажу. Следом раздалось цоканье.

– Алле, хозяйка. Честно, не мое, конечно, дело, но если не нравится – кто заставляет? Давай сбежим?

– Как?! – Я взглянула на него мученическим взглядом и указала на стену. – Видишь? Через такой забор только перелететь!

– Да он невысокий! Я такие на раз беру! Ну... если боишься, тогда можно перегрызть пару досточек? – Борька для убедительности подошел поближе и продемонстрировал мне зубы. – На веревках уже натренировался, могу что угодно попортить, только если не торопясь. Что-то не хочется в мои юные года с протезами ходить. Дамы засмеют!

– Какие досточки, какие дамы?! – Совсем у коняги крыша поехала! И вспомнила: – Тебя вроде обещали на живодерню спровадить, а ты о какой-то ерунде говоришь!

Борька в нетерпении переступил с ноги на ногу и заторопил:

– А я о чем? Пошли быстрее!

– Сейчас! – Я все-таки открыла сундук.

Нет. Удача сегодня не на моей стороне. Только какие-то шелка и бархат. Зачем мне все это? Тут! Даже и выйти никуда.

– Пошли, кому сказал! – Борька нетерпеливо вцепился мне в платье зубами чуть пониже талии и потянул, вытаскивая меня на дорожку, а после с готовностью подставил спину. – Забирайся в седло!

– Как? – Я развела руками, демонстрируя уже изрядно пожухлое, но все еще пышное свадебное платье. – Я же в нем как в гипсе!

– А переодеться? – Борька мотнул башкой, указывая на выпотрошенные сундуки.

Я задумчиво почесала висок. А ведь точно! Видела в одном из них брючные костюмы для конных прогулок...

Едва не чмокнув Борьку в черный нос, я снова бросилась к сундукам и принялась за поиски. Да где же они?

Наконец под горой тряпок пальцы нащупали гладкую кожу брюк для верховой езды. Брючные костюмы? Один за другим я вытянула на свет из недр сундука то, что искала: кожаные штаны, короткие сапоги, кожаный жилет и темно-серая рубашка. То, что надо!

Вдруг неподалеку раздались возмущенные голоса. Кажется, Лампа собрала подмогу для разборки с говорящим жеребцом, и Борька вот-вот лишится рыжей шкурки!

Цапнув вещи в охапку я развернулась, чтобы броситься к коняге, но... того уже и след простыл!

Вот гаденыш! Бросил меня одну?!

Крики приближались. Не придумав ничего умнее, я скользнула тенью за сарай и едва не застонала, сообразив, что вляпалась в кусты шиповника.

Ну и пусть! Не бегом, так ползком!

Хоть как-нибудь!

Только бы меня не нашли!

Неожиданно царапающие, старающиеся удержать ветви расступились. Я выползла напрямиком к стене и поднялась, разглядывая это монументальное строение. Черно-серый камень. Высота такая, что шапка падает!

Стараясь не обращать внимания на вопли, что время от времени издавала Лимпопона Феодосиевна (пытка для врагов, а не имечко!), я принялась стягивать с себя платье. Дело шло медленно. Какой дурак придумал все эти завязочки и бантики? Но когда настала очередь корсета, то и вовсе чуть не взвыла.

Шнуровка!

Где же ходит Борька?

Ох, он бы мне сейчас помог своими хваленными зубками...

Я снова покосилась на стену с ее острыми уступами и решила. Не развяжу, так, может, повезет перетереть? Подошла ближе, облюбовала острый выступ и развернулась к нему спиной, ожидая, что в спину упрется холодный камень, но... случилось странное. Вместо холодного камня я ощутила спиной нечто деревянное и шершавое.

Озадаченно поморгав, я развернулась и думать забыла о «юных следопытах», что сейчас прочесывали сад в поисках нас. Стены – не было! Точнее, был деревянный забор. Не очень высокий. В полтора моих роста. Я во дворце у бабушки такой брала с разбегу, когда нужно было незаметно сбежать на рыбалку с сыном конюха.

В довольно широкую щель между досками я увидела лес и... пасущегося неподалеку Борьку!

Но как?..

Тут мне вспомнилось его предложение перегрызть... ДОСТОЧКИ!!! Неужели он не видел стены? Тогда понятно его нетерпение! Конечно! Что ему такой заборчик перемахнуть? Две секунды!

Ну Люминесценция Фосфоридзе! Ну зараза! Или за иллюзию крепостной стены нужно благодарить моего новоявленного муженька?

Быстро натянув штаны, я застегнула ремень и заправила жесткие штанины в сапоги, надела рубашку с жилетом прямо на корсет и, подпрыгнув, принялась подтягиваться. Но в это самое время удача решила, что с нее хватит, и повернулась ко мне своей «задней частью спины». Раздалось басовитое: «Эй, куда?!», и мне в сапог вцепились чьи-то пальцы. Не в силах отказаться от такой близкой свободы, я озверело принялась лягаться и размахивать свободной ногой, стараясь попасть преследователю хоть куда-нибудь, но лучше по носу. Наконец мне повезло. Удерживающие руки вдруг разжались, послышалась отборная ругань, а я, перевалившись через забор, грохнулась в траву.

– Немедленно за ней! Если вы ее упустите, хозяин вам головы снимет! – раздался совсем рядом пронзительный вопль домоправительницы, и топот, похожий на топот стада, начал удаляться.

– Вставай, чего разлеглась! – Ко мне уже скакал Борька. – Садовая калитка тут всего метрах в пятидесяти!

Хороший аргумент. Не замечая ноющего бока, я торопливо вскочила, подпустила ближе скачущего во весь опор жеребца, вцепилась в поводья и одним прыжком взлетела в седло. Этому трюку год назад меня выучил сам Парамон. Когда-то он был знатным наездником.

Борька всхрапнул и недовольно бросил:

– Чего ты так долго? Я уже ждать устал. Полполянки выполол.

– Долго? – Я не удержалась и вцепилась коняге в ухо. – Да благодаря тебе я вообще чуть там навсегда не осталась!

– Эй, что за инсинуации! – Освобождаясь, тот тряхнул головой так, что я чуть не сверзилась наземь. – Может быть, ты от мужа уходить не хочешь? Так я же не против! Каждый кузнец своего счастья...

– При чем тут муж?! – вспыхнула я. Болтология хоть и недолгая, но самая сильная черта моего «перевозочного средства»! – Я спрашиваю, как ты узнал, что вместо высоченной каменной стены – деревянный забор?

– Какой стены? – Борька даже притормозил и попытался скосить глаза, норovia меня разглядеть.

Позади уже слышались крики и лай. Я оглянулась. За нами мчались человек десять на лошадях и еще столько же с идущими по нашему следу собаками. Довольно близко! Может, оторвемся? Нет, не так! Должны оторваться!

– Прямо смотри! – Зло дернув поводья, я пришпорила пятками беднягу.

Борька возмущенно заржал и вновь перешел на галоп.

Вскоре мы влетели в лес. Редкий молодняк опушки сменил мрачный вечерний лес. Лучи закатного солнца почти не достигали земли и гасли, путаясь в чуть шумящих верхушках деревьев. Под копытами Борьки зашелестела прелая листва. Заплелся колючей проволокой малинник, как нарочно путая ноги жеребца. Но вот что странно! Погоня, которая, казалось, вот-вот настигнет, отчего-то не спешила нас поймать. Голоса по-прежнему раздавались где-то позади и даже как-то стихли, словно боясь встревожить вековечную тишину.

Впереди пахло водой. Значит, там или река, или озеро! Можно сбить со следа!

– Так что там за проблема была с забором? – вспомнил Борька, а может, решил отвлечь себя и меня от погони.

– Проблема в том, что вместо забора я с самого начала увидела огромную стену! Иллюзия, чтобы у меня даже мысли не возникло, что можно сбежать! – Я печально усмехнулась.

– Ничего себе! Не знал! – Борька насторожился, одним прыжком перемахнул через поваленное дерево и прибавил ходу. – Хозяйка, ты пока помолчи, перевари случившееся, а я попытаюсь нас спасти!

Я вцепилась в поводья и пригнулась, спасаясь от засвистевших над головой веток. Вот было бы весело, на радость Лампе, котенком повиснуть на ветке!

Вскоре впереди действительно блеснула лента реки.

Коняга вбежал в реку, подняв водопад брызг, зашел в воду по самую шейку и поплыл, но не в сторону манившего в сгущавшихся сумерках соседнего берега, а вниз по течению, где шагах в пятнадцати от нас, покачиваясь на воде, медленно дрейфовала здоровенная куча тальника. Держась одной рукой за седло, я скользнула в реку и поплыла рядом, наслаждаясь на удивление теплой водой. Поравнявшись с кучей тальника, Борька обогнул ее так, чтобы нас не заметили с берега преследователи. Дотянувшись до первых веток, он сначала вцепился в них зубами, а затем, подплыв ближе, зацепился копытами. Не отпуская луку седла, я тоже ухватилась за гладкую талину и отдалась на милость течения, позволив себе хоть немного отдохнуть.

Я слышала, как на берегу обиженно заскулили собаки, потеряв наш след, как раздалось злые голоса и гребки. Наверняка преследователи решили, что мы выбрали самый простой способ для побега и, переплыв реку, скрылись в зарослях другого берега. Что ж, пока они будут нас там искать, течение отнесет тальник так далеко, что мы сможем оторваться от погони.

Не знаю, сколько мы так дрейфовали, держась за толстые ветки, лежавшие в основании этого естественного плота. Наконец река начала расширяться. Убыстрилось течение, да и сама вода стала холоднее.

– Борь! – Я тронула жеребца за ухо. – Вроде далеко уплыли. Давай на берег выбираться?

– А на какой? На тот или на этот? – Конь pokrutil головой.

Хм, вопрос, конечно, интересный!

– Нам в Берендеево царство надо! В Болотную Гать.

– Как будто я знаю, где такое есть! Ладно, поплыли на авось! – фыркнула зверюга, мощно оттолкнулась от плота и, утянув меня за собой, поплыла к видневшейся неподалеку песчаной косе, бурча под нос: – Я ж с детства из нашего королевства ни разу не выбирался! И вообще, кто у нас принцесса?

Эх, если бы я могла сказать: «Ты!» и этим решить все проблемы!

Вскоре мы уже выбирались на берег. Мягкий песок, еще хранивший тепло ушедшего дня, так и манил лечь поудобнее и не вставать до утра. Но я не могла себе позволить так рисковать даже сейчас! Да – ушли от погони, возможно, далеко, но я знала, что Люстра Филаретовна в лепешку расшибется, а постарается найти сбежавшую пленницу.

Заставив себя подняться, я обняла жеребца за шею, и мы зашагали вперед, оставляя на песке вереницу мокрых следов. За время нашего плавания мое белье промокло до нитки и противно липло к телу, а кожаный костюм весил как хороший доспех! Наконец песок остался позади, и я запрыгнула в седло. Эх, как бы я хотела сейчас высохнуть и выспаться! А еще поесть. Я уже даже забыла, когда в последний раз ела!

В подтверждение мыслей желудок болезненно сжался. Я только вздохнула. Стиснула поводья и по привычке уже хотела было прищипорить Борьку пятками, но не сделала этого, а просто попросила:

– Борь, давай выбираться отсюда!

– Куда? – Он переступил с ноги на ногу, деловито разглядывая подступавшие к нам деревья. – Кругом лес.

– Не такой уж и лес. Скорее роща. – Я попыталась его приободрить. – Просвет видишь?

Он честно помотал головой, но все-таки направился куда-то в глубь стоявших стеной деревьев. Эх, надеюсь, нам повезет не наткнуться на хищников! У меня ведь даже оружия нет!

Но к счастью для нас, вскоре лес и вправду поредел и неожиданно закончился, оказавшись широкой полоской деревьев, идущей вдоль берега. Мы вышли на пыльную дорогу, что отделяла рощу от бескрайнего поля сочной травы. Но даже не это меня обрадовало больше всего на свете – где-то впереди, среди порядком сгустившихся сумерек теплой крошечной звездочкой горел огонек!

Я нетерпеливо тронула узду:

– Борь, держи курс на костер!

– С ума сошла, хозяйка? – испуганно прынул ушами жеребец. – Какой костер? А вдруг там опасно?

Ну опасно... и что теперь? Жить, как выяснилось, тоже опасно, но лошадку свою паникерскую надо бы успокоить... Поэтому я равнодушно хмыкнула и беспечно бросила:

– Ну и чего ты испугался? Наверняка там такие же путники, как и мы.

– Но погоня...

– Я думаю, мы оторвались! – с нажимом заявила я. Не надо меня пугать, и так дальше некуда! В любом случае: пан или пропал! – Даже если слуги муженька сообразят, куда мы делись, я успею обсохнуть и, может, даже чем-нибудь перекушу!

– А ты перекуси травкой! Глянь, какая сочная! А одежда сама высохнет! К утру... – Борька, словно в подтверждение своих слов, нагнулся и принялся сосредоточенно щипать травку. Не ожидая такого предательства, я чуть не скатилась на землю, вовремя повиснув у него на шее.

– Какая трава?! – В отместку я хлестнула его ладонью. – Ну-ка, выпрямляйся и вези меня к костру! Быстро! Я замерзла и хочу есть!

– Как по мне, так я бы объехал этот костер по самой дальней дороге, но... хозяин – дурень! То есть – барин! – проворчал Борька и не спеша потрусил к огоньку.

Я не стала спорить. Может, и дурень – но кто не рискует, тот ходит мокрым и голодным! Главное, не показать свой страх и то, как сердце сжимается от нехорошего предчувствия.

Но все сомнения быстро развеялись, когда я увидела сидевшую у костра одинокую фигуру. И чем ближе мы подъезжали, тем спокойнее на душе мне становилось.

Путник, одетый в темный дорожный плащ, оказался молодым, симпатичным парнем. Отблески пламени играли в его коротких темно-русых волосах, делая их почти рыжими. Он, видимо, давно заприметил гостью и теперь сидел, поглядывая на меня, но не забывая при этом что-то помешивать в котелке.

Остановив Борьку в нескольких шагах от костра, я спешила:

– Хлеб да соль!

– Да нет... скорее картошка и вода... – Он демонстративно помешал варево. Ночной ветерок с готовностью подхватил аромат еды и не хуже заправского вояки ткнул мне в нос так, что закружилась голова. – Присоединяйся.

Я торопливо подошла к костру, но все-таки дворцовый этикет, с рождения вбитый мне в голову, поспешил возразить парню раньше, чем мой голод ответит ему «да!».

– Нет, что вы! Не хочу быть вам обузой! Я только погреюсь, если можно...

Парень недоуменно оглянулся и снова взглянул на меня.

– Кому это «вам»? Я вроде один... – Он вдруг улыбнулся, и на его щеках, скрытых недельной щетиной, появились милые ямочки, так не вязавшиеся с его суровым обликом.

– Ну... – Я невольно заулыбалась ему в ответ. – Тебе.

– А! Ты из этих... из породистых, что ли? – Спрятав улыбку, он прищурился и смерил меня таким пытливым взглядом, что я даже смущенно сглотнула.

– Что, прости? – Какие светлые у него глаза!

– Из благородных, говорю?

– Вообще-то... э-мм... вообще-то я... – И тут Борька толкнул меня в спину носом, да так, что я чуть не рухнула в костер. Как вовремя! Я едва не ляпнула, что я дочь короля Еремея! Вот дура-то! – Моя семья из разорившихся дворян.

– О как. Ну... садись, коль не шутишь. – Он глазами указал на место у костра.

Что ж, сама пришла. Чего теперь стесняться?

Я уселась напротив парня:

– Спасибо.

– Да пока не за что! – Тот повел широкими плечами. – Есть хочешь?

– Очень! – кивнула я. – Со вчерашнего дня во рту маковой росинки не было.

– Нет, маковыми росинками питаться – не дело. – Губ парня снова коснулась задорная улыбка, и милые ямочки вновь преобразили его суровое лицо. – Картошка всяко лучше. И... с утра голова не болит. – Он изучил мое озадаченное лицо и, помрачнев, перевел: – Говорю, если хочешь есть – ешь. Ложку дать?

Ложку? Незнакомого парня?

Нет, как бы мне ни хотелось есть...

Я снова сглотнула и тоскливо качнула головой.

– Подожду, пока остынет.

– Жди, – буркнул тот и замолчал, сосредоточенно вороша короткой веткой объятые огнем поленья.

Улучив момент, я украдкой оглядела путника. Открытое лицо. Коротко стриженные волосы. На высокий лоб падает челка. Прямые линии бровей над светло-серыми глазами. Чуть с горбинкой нос, улыбочивые губы, волевой подбородок.

Может, тоже из породистых?

– А... как тебя зовут? – Я решила не гадать. – Откуда ты и что здесь делаешь?

– Зови меня Ник, – с охотой ответил он. – Я из Заречного королевства. Иду домой. Был пять лет на службе у шамаханских шаманов и три года провел в армии царя Ефремия. А как твое имя и что здесь делаешь ты? Одна...

Н-да... ну и толку, что спросила? Все равно о Шамаханском шахстве и Ефремском царстве я знала только из рассказов приходящего учителя истории и географии. А о Заречном королевстве даже не слышала! А может, и слышала, да как все эти царства, ханства, шахства, королевства и княжества запомнить?

Надо срочно менять тему...

– А Ник это производное от Николая?

– Скорее от Никиты. Но... меня давно так никто не звал. А ты? – Он снова смерил меня цепким взглядом и увел разговор в свое русло: – Кто такая и что здесь делаешь?

Я помедлила и нехотя заговорила:

– Меня зовут Василиса. Можно Вася или Васька – как звал меня батя. Я в бегах, и здесь... – Вспомнив, что до сих пор мокрая как мышь, я придвинулась к огню и распахнула жилет, наслаждаясь жаром. – Здесь я сохну.

– По кому? – Его губ снова коснулась улыбка.

– По себе! И вообще! – Я вдруг разозлилась. Еще и умничает! – Картошка уже готова?

– Не знаю. Попробуй. – Не переставая улыбаться, парень снова предложил мне ложку, понаблюдал, как я поморщилась, но взяла и принялась украдкой вытирать ее о край рубашки. Вдруг улыбка сползла с его лица. Он настороженно уставился мне за спину и тихо бросил: – Кажется, у нас гости.

Я торопливо обернулась, глядя на подходивших к нам «гостей». Пятеро. На фоне ночного неба они казались какими-то квадратными и большими. Очень большими. Но с каждым шагом иллюзия рассеивалась. Вскоре нас обступили пятеро бродяг, одетых в рванину и в широкополых шляпах. За поясами у них поблескивали широкие ножи, а у двоих я даже заметила топоры.

Сжав покрепче ложку, я пересела поближе к Нику, не сводя глаз с недружелюбно настроенных «гостей». Ник вдруг поднялся во весь свой немалый рост. Повел широкими плечами, выразительно хрустнул пальцами и невозмутимо спросил:

– Чем могу помочь?

Эх, а может, не нападут?

Один бродяга, видимо главарь, шагнул к костру и хрипло заявил:

– Если ты отдашь нам все свое барахло и то, что завалилось у тебя в кошеле, мы не станем тебя убивать.

– Потому что – не догоним! – хохотнул другой. В его щербатом рту неожиданно блеснул золотом зуб. – Так что раздевайся и вали, парнишка, пока мы добрые.

Ник вдруг виновато развел руками.

– Да у меня и барахла-то раз-два и обчелся. А в кошельке две медяхи, чтобы заплатить входную мзду у городских ворот. Но... – Он заговорщицки подмигнул приунывшим бродягам. – Могу поделиться другим. Ночлег у костра, ужин и... эта девица в обмен на то, что вы меня не тронете. Согласны?

Услышав его последние слова, я похолодела. Вот ведь! Доверилась уроду!

Затем в сердце зародилась здоровая злость. Шестеро на одну? Еще попробуйте справиться. Где мой Борюсик?

И коняга, словно прочитав мои мысли, не заставил себя ждать.

– Твою ж мать! – вдруг тоненько взвизгнул главарь, подпрыгнул и, едва не свалившись в костер, обиженно пожаловался: – Меня кто-то укусил!

Из-за плеча стоявшего рядом с ним товарища высунулась рыжая голова Борьки. Сосредоточенно пожевав, он выплюнул под ноги бандитам какой-то цветастый клочок и глубоко-мысленно заявил:

– Нет, все же мы, благородные жеребцы, лучше тех, кто считает себя повелителями этого мира. Человек разумный... Фу! Да о каком разуме может идти речь, если вы не в состоянии позаботиться о собственной гигиене!

– Э-э-э... – изумленно проблеял стоявший рядом с Борькой разбойник и, не сводя глаз с жеребца, медленно начал отступать.

– Чего он там про гиену загнул? – громким шепотом поинтересовался непонятно у кого другой, маленький и рыжий, нервно теребя не желающий доставаться нож.

– Похоже, братва, мы мухоморов пережрали! – промямлил третий и усиленно потер глаза, явно надеясь, что видение исчезнет. – Ну не может этот холодец разговаривать. И вообще, откуда он взялся? Может, он не настоящий?

Борька скептически фыркнул, неспешно развернулся к нему задом и вдруг с пронзительным ржанием вскинул копыта. Бродяга, видимо, так и не понял, почему и зачем он куда-то летит. В полете его перехватил Ник и, врезав кулаком в висок, заботливо уложил у костра.

Не сразу, но все же сообразив, что к жертвам неудавшегося ограбления подоспела тяжелая кавалерия, трое бандитов вместе с главарем, сверкавшим в прореху штанов голым задом, отскочили подальше от жеребца и моментально вооружились кто чем мог.

В руках у Ника непонятно откуда взялся довольно дорогой клинок с усыпанной самоцветами рукоятью и так выразительно заплясал, что разбойники окончательно погрузстнели, но, подбадриваемые главарем, снова принялись нас окружать.

– Девчонку хватайте! – разорвался он, махая во все стороны топором. – Тогда и этот вьюнош сговорчивым станет! Главное, бешеной кобыле под копыта не попадитесь!

А вот о кобыле ему лучше было бы не заикаться!

Злобно фыркнув, Борька развернулся и рысцой попер на обидчиков, но бродяги, помня наказ главаря, кинулись врассыпную. Выбрав жертву, жеребец бросился за ним и, настигнув, принялся гонять бедолагу по полю.

Тем временем трое других напали на Ника. Я даже невольно залюбовалась, глядя, как он ловко отбивает атаку сразу троих. К сожалению, это и было моей ошибкой. Бандит, «отдыхавший» у костра, очнулся, но заметила я это, только когда холодная сталь ножа больно впиалась мне в шею и хриплый голос над ухом прокаркал:

– Эй, братаны! Я цыпу поймал!

Все на мгновение отвлеклись от размахивания ножами и обернулись к нам. Даже Борька забыл о своей жертве, чем тот воспользовался и, решив взять тайм-аут, со стоном рухнул в траву, где и затаился.

– Ага! Молодец, Бубен! – воспрянул духом главарь и, взглянув на Ника, победно заявил: – Теперь твоя девчонка в наших шаловливых лапках. Не хочешь получить ее в разобранном виде, отдавай саблю, деньги и шмотки. Да сапоги не забудь.

Ник нахмурился, окинул меня недовольным взглядом и беззаботно рассмеялся:

– Она не моя. И свои вещи, а тем более клинок я ценю куда больше смазливой мордашки. Да таких, как она, на каждом постоялом дворе пруд пруди!

На такое заявление разбойники не рассчитывали и уже куда неувереннее принялись отбивать яростную атаку Ника.

Хватка державшего меня тоже немного ослабла. Вспомнив о ложке, все еще зажатой у меня в руке, я резко вскинула ее туда, где над ухом доносилось сосредоточенное сопение бандита. Неповторимый звук подсказал, что мое оружие нашло цель, то есть лоб.

От неожиданности бродяга на мгновение замер, чем я и воспользовалась. Оттолкнув руку с ножом, кувыркнулась в сторону, туда, где с нетронутым ужином стоял котелок. А когда в следующую секунду он бросился за мной, я была вооружена уже куда более серьезно.

– Получай! – Горячие картофелины полетели в заросшую бородой, недоумевающую рожу бродяги.

Взвыв, тот схватился за лицо и бросился бежать в темноту, а я, только сейчас почувствовав нестерпимый жар в ладонях, выронила обжигающие снаряды и принялась торопливо дуть на пальцы.

Тем временем троица стала теснить Ника. Я даже с каким-то злорадством наблюдала за тем, как все медленнее пляшет в его руке клинок. А зачем мне болеть за его победу, если он сражается ради своего имущества? У меня есть куда более серьезный защитник.

Я поискала глазами Борьку.

Его светлая туша выплясывала неподалеку. На чем-то. Точнее, на ком-то. Потому что, помимо фыркания и ржания, до меня доносились слабые стоны, которые перерывались на то, чтобы вознести молитву о спасении от «этого рыжего дьявола».

Наконец жеребцу все это надоело, и он позволил жертве сбежать. Я не удержалась от нервного смешка, глядя, как бандит, прихрамывая на обе ноги и не переставая стонать, ковыляет к рощице. Борька тоже проводил его взглядом, развернулся и бесшумно потрусил к сражающимся.

Оказавшись рядом, он вытянул шею, ухватил зубами за шиворот одного из разбойников и под переливчатые вопли выдернул того из сражения.

Его товарищи лишь на миг отвлеклись на то, чтобы с ужасом понаблюдать, как рыжая бестия, словно тряпочку, подкидывает и ловит зубами их приятеля, и тотчас со стоном попадали в траву, коварно пронзенные оружием Ника.

Тот неспешно вытер клинок об их лохмотья, огляделся и направился к костру.

– Отзови зверя, – бросил он, подойдя ко мне. – Надо уходить.

– Во-первых, этот зверь – мой! И он меня защищает. – Я вытерла ладони о траву и поднялась. – Во-вторых, мы с ним уйдем, когда я посчитаю нужным, но без тебя! Ты дал мне понять, что переживаешь только о своем барахле. Вот и переживай дальше.

– Ты что, не понимаешь? – Его светлые глаза с ехидцей уставились на меня. – Если бы я выказал им свое волнение за твою жизнь, они в первую очередь отыгрались бы на тебе. И еще. Лучше бы нам быть отсюда подальше, когда в предутренний час здесь пойдет обходом стража царя Берендея.

Я наострила уши.

– Хочешь сказать, что мы недалеко от границы?

– Вообще-то эта дорога и есть граница. – Ник с сожалением вытряхнул остатки ужина и стал засовывать котелок в дорожный мешок. (Каюсь, почти все оставшиеся картофельные снаряды я без зазрения совести слопала, и мне было немного, самую малость, стыдно.)

– А ты не знаешь, как далеко отсюда местный наукоград? Называется Болотная Гать.

Ник закинул мешок на плечо и удивленно воззрился на меня, словно не мог связать слово «наукоград» со мной.

– Зачем он тебе?

– Э-э-э... понимаешь... – Я потупилась, придумывая очередную легенду. – У меня там дядя живет. Вот иду к нему, но ни разу там не была, поэтому, если не сложно, проводи меня до ворот?

Он пожал плечами:

– В принципе по пути.

Вот и славно!

– Борька, мы уходим! – развернулась я к жеребцу. Тот по-прежнему продолжал играть в «мячик» со своей порядком охрипшей жертвой.

– А с этим чего делать? Того... или отпустить? – спросил он и, не дожидаясь ответа, зашвырнул бандита в траву. – В принципе он хорошо налетался. Теперь только ползком сможет – груз в штанах мешает.

– Пусть ползет! – усмехнулся Ник и, вдруг посерьезнев, протянул руку подошедшему Борьке. – Ну давай знакомиться, зверь чудной, раз уж наши тропки пересеклись. Приятно было с тобой работать.

Борька, кажется, стал еще рыжее. А может, мне это показалось из-за отблесков догорающего костра? Он по-собачьи сел и гордо протянул ему копыто.

– Борис. Петровский конезавод.

– Никита. Заречный конеза... э-э-э... – Ник замялся, крепко пожал Борькино копыто и поправился: – Точнее, родом оттуда. А теперь, друг, нам надо очень быстро исчезнуть. Не хочу, чтобы из-за покалеченных бандитов меня уpekли в берендеевскую тюрьму.

– Да не вопрос! – Борька поднялся, с готовностью подставляя ему спину.

Я даже моргнуть не успела, как наш новый знакомый вольготно устроился в седле и протянул мне руку:

– Помочь?

Ну Борька! Ну предатель!

– Сама! – прорычала я, всунула ногу в стремя и вцепилась в уши жеребца.

Борька не был бы Борькой, если бы стерпел такое. Уши – это наше все! Он встряхнул головой и взбрыкнул. Ник, не ожидавший такого, кубарем полетел в траву, а я, победно скалясь, забралась на свое законное место.

– Специально? – Ник посопел, поднимаясь, и тут же оказался позади меня.

Чувствуя спиной его разгоряченное схваткой тело, я только пожала плечами:

– Нарочно! Этот предательский конь – мой! И никакие друзья-приятели ему не нужны! Проводишь, и адью!

– Без проблем! – буркнул он у меня над ухом, решительно отобрал поводья и, придвинувшись ближе, чуть тронул пяткой бок жеребца.

Тот послушно пошел, а потом и перешел на бег, унося нас все дальше по дороге в ночь.

Глава 3

Не знаю, сколько мы летели, предоставленные только мыслям, скрывающему нас мраку ночи и напоенному запахом трав летнему ветру. От мерного топота копыт и тепла сидевшего у меня за спиной парня незаметно навалилась сонливость. Может быть, я бы даже задремала, если бы до нас не донесся встревоженный лай разбуженных собак. Я встрепенулась, заметив на фоне ночного неба изломы крыш.

Деревня? Или село. О том, что перед нами не город, говорило отсутствие стены, рва или хоть какого-нибудь ограждения.

– Интересно, куда нас занесло? – невольно пробормотала я, вглядываясь в приближающееся скопище домов.

– Колодцы, – буркнул Ник.

– Где? – Я покрутила головой и озадаченно нахмурилась, пытаюсь найти хоть какое-то объяснение его высказыванию.

– Чего «где»? – поинтересовался он мне прямо в ухо, заставив толпу мурашек промаршировать по спине и осыпаться под копыта Борьки.

– Где «чего»? Какие колодцы? Ты о чем?

– Говорю, там впереди село. Называется Малые Колодцы. Можно поискать здесь ночлег.

– Ночлег? – Теперь удивляться пришлось мне. Во-первых, глубокая ночь, кто рискнет пустить в дом чужаков? Во-вторых, после того что мы устроили, нам бы лучше быть как можно дальше от границы. Я даже попыталась обернуться, чтобы убедиться, что на мордахе спутника нет ехидной улыбки. Не получилось. – Ты собрался здесь ночевать?

– А ты собралась загнать своего единственного говорящего коня? – Он снова фыркнул мне в ухо, и я опять покрылась мурашками. Не подумайте чего, просто щекотно!

– Э-э-э... я как-то об этом не подумала... – Я погладила Борькину шею.

Ник дернул поводья, заставляя жеребца перейти на шаг.

Борька повернул к нам голову и недовольно поинтересовался:

– Ну чего еще? У меня только третье дыхание открылось! Имейте в виду, если я сейчас остановлюсь, то ни за какие коврижки не попрыгаю дальше!

– Вообще-то мы хотели предложить тебе отдохнуть, – обрадовал скотинку Ник и указал вперед. – Когда проедешь село – увидишь несколько колодцев, сворачивай.

Борька внимательно вгляделся в темнеющие на фоне ночного неба крыши поселения и, не ответив, неспешно поцокал вперед.

Интересно, а сколько сейчас времени?

Я подняла голову вверх, разглядывая звезды: яркие, крупные и совершенно не собирающиеся тускнеть в угоду не торопящемуся к нам рассвету.

– До утра еще часов пять, не меньше! – снова угадал мои мысли попутчик и похлопал Борьку. – Сворачивай к тем стогам.

– Ты, кажется, хотел к колодцам? – уточнил тот, когда последние дома остались позади, и послушно свернул к возвышающимся стогам.

– Точно. Сразу за стогами и будут колодцы. Вода и ночлег – что еще нужно?

– И еда! – облизнулся жеребец, ускоряя шаг. Наконец он воткнулся мордой в первый же стог сена и довольно прочавкал: – Готовая еда! Высушенная и собранная!

– Кажется, твоего жеребца теперь не скоро сдвинешь с места. – Ник спрыгнул на землю и протянул ко мне руки, явно намереваясь снять, но я сделала вид, что не заметила этот жест доброй воли, перекинула ногу через седло и скатилась по рыжему боку жеребца, как по горке. В конце концов, зачем переводить отношения со случайным попутчиком на новый уровень?

Колодцы я увидела внезапно. Ряд одинаковых, укрепленных камнями возвышений открылся моему взгляду сразу же, едва я зашла за ближайший стог.

– А почему Малые Колодцы? – Я обернулась к Нику, шуршавшему сеном чуть позади. – Их целых пять!

– Их всего пять. А в Средних Колодцах – десять. – Он прошел к ближайшему каменистому возвышению, ухватился за невидимую в темноте веревку и сделал несколько сильных рывков. Когда на поверхности показалась деревянная кадучка, Ник развернулся к шуршавшему травой Борьке и позвал: – Борька, друг, иди пей!

Тот оторвался от сена, подошел к нему и надолго припал к воде. Я слушала, как он благодарно фыркает, сопит, и смотрела, как раздуваются его бока. Наконец конь напился и отступил.

– Спасибочки! Вода – закачаешься! А ничего, что я вам туда слюней напускал?

– Воду выльем, а ведро сполоснем, да и все, – отмахнулся Ник. Сорвал пучок травы, повозил, будто мочалкой, по деревянным стенкам кадучки, выплеснул остатки воды и снова сбросил ведро в колодец.

Мм... не сказать что я брезгливая, но пить после лошади...

Не дожидаясь, когда Ник достанет новую порцию воды, я прошла к другому колодцу, нащупала привязанную к бортику веревку и потянула.

Э-э-э... Даже не ожидала, что ведро такое тяжелое!

– Василица, вот вода, иди пей! – широким жестом предложил Ник, вытаскивая на бортик колодца до краев наполненное ведро, но я мотнула головой:

– Спасибо, но я себе уже почти достала.

Та-а-ак. Еще рывок! Главное, грыжу не заработать!

– Боишься превратиться в рыжего жеребца? – хохотнул парень, разгадав мои мысли.

– Превратиться – это еще полбеды. А вот если я так же говорить начну... – не стала отпираться я и, не переставая тянуть, покосилась на шуршавшего сеном Борьку. Он уже пасся у другого стога. Видимо, решил передегустировать их все.

– Тогда могу с уверенностью сказать, вам в пути не будет скучно! – усмехнулся Ник, рывком поставил ведро на землю и принялся пить, зачерпывая воду ладонями. Затем он развязал плащ, стянул с себя рубашку и, бросив одежду на стог сена, попросил: – Польешь?

Я с сожалением покосилась на поблескивающую уже рядом с поверхностью колодца отвоетанную мной деревянную бадейку, сделала еще одно усилие и, выплеснув часть ледяной воды себе на брюки, тоже плюхнула ведро на землю.

Хорошо, что брюки кожаные! Ладно. Потерплю. Что я, не из благородных, что ли, – просьбу спасшего меня странника не уважу?

Я подошла к Нику, стараясь не смотреть на его голый торс, и взялась за ведро, к счастью, уже наполовину пустое.

– Вода холодная! – на всякий случай предупредила я.

– Я заметил. Но это ничего. Не привыкать! – Он наклонился. – Лей.

Не зная, куда и как поливать, я недолго думая с размаху окатила его водой.

– Твою ж!.. – Ник задохнулся, резко выпрямился и, шагнув ко мне, едва сдержался, чтобы не выругаться. – Ты... ты чего делаешь?!

– Ты же сказал полить, вот я и поливаю! – Я попятилась, не сводя глаз с его крепкого торса, блестящего каплями воды в лунном свете.

– Полить, но не утопить! А ты мне даже штаны все вымочила!

– До утра высохнут! – наивно улыбнулась я, стараясь скрыть замешательство. Нет бы сказать, *как* полить – медленно, тонкой струйкой на спину или на голову... А то – «польешь»! Я огород с чудо-травкой у тети Мафы только так и поливала – с размаху! Ведро на грядку.

– Если не высохнут – с тебя сниму, – пригрозил он, спихнул ведро в колодец и примирительно поинтересовался: – Воды достать?

– Не. У меня... – Я хотела сказать «есть», но подозрительные звуки заставили меня замолчать и обернуться. Ну как всегда! Сбылись мои самые худшие опасения! Пока я поливала эту «мускулистую грядку», Борька решил запить сытный ужин и наткнулся на приготовленное мной ведро!

Я едва не застонала и нехотя кивнула ухмыляющемуся парню:

– Достать.

Спустя какое-то время мне все-таки удалось попробовать сладкую, чистую (без чьих-либо слюней) воду, а после дело наконец дошло и до ночлега. Если честно, передо мной встала дилемма. Одна лезть в стог я не хотела по простой причине – вдруг мой попутчик сбежит вместе с Борькой, пока я буду спать? С другой стороны, на Борьку где сядешь, там и слезешь. Упрямая скотина! Но опять же как спать в одном стоге вместе с незнакомым мужчиной? Папенька бы с ума сошел, если бы узнал, какая невероятно насыщенная ночь поджидала его доченьку после алтаря.

От таких мыслей у меня снова испортилось настроение.

Свадьба... Первая брачная ночь с незнакомцем и конем в стогу сена. Супер! Эх, Вась-Вась... докатилась!

– Долго будешь звездами любоваться? – Позади послышались шаги. – Не спится?

Я с сожалением обернулась к попутчику:

– Да... как-то не очень.

Ник постоял рядом со мной, затем облюбовал ближайший стог и принялся выкапывать в нем довольно широкую нору. Когда тоннель был готов, он уселся возле стога в траву и посмотрел на меня.

– Может, поделишься? Что тебя мучает?

Я усмехнулась. Мозгоправ нашелся.

– Ты не поверишь.

Он приглашающе похлопал рядом с собой:

– А ты попробуй. Поведай.

Не в силах больше таить в себе неуверенность, страх и какую-то невнятную тоску, я подошла, уселась рядом и, помолчав, принялась рассказывать. Ведь самый лучший слушатель – случайный попутчик. Он разделит с тобой твоё бремя и... уйдет!

И я рассказала ему все, что произошло со мной за эти два дня, а когда закончила рассказ, звезды начали тускнеть. Значит, скоро рассвет, и у нас совсем мало времени на отдых.

Ник помолчал.

– Значит, тебя угораздило выйти замуж за какого-то монстра, колдуна, которого все боятся, а в заключение ты от него сбежала!

Я вздохнула.

– Угу. Может, я от него и не сбежала бы, если бы он со мной поговорил, все объяснил. Но... знаешь, Ник... – Я взглянула на него, и блестящие, с сумасшедшей искоркой глаза парня оказались совсем близко. Я смутилась, но договорила: – Мне кажется, он женился на мне для каких-то только ему ведомых целей. Я предложила найти кольцо в обмен на мою свободу, но он даже слушать не стал!

– Угу... – Ник отвел взгляд и уставился на светлеющую полоску рассвета. Снова помолчал и вдруг выдал: – Остается только одно. Шантаж!

– Это как? – опешила я.

– Это такая методика воздействия, чтобы добиться желаемого, – пояснил он и принялся растолковывать: – Я думаю, что тебе нужно найти это кольцо первой. Спрятать. А затем сообщить мужу свои требования в обмен на то, что его интересует.

– Хм... – Я устала на его симпатичную открытую мордашу. Красив, да еще и умен – адская смесь! – А ведь действительно! Фениксу зачем-то очень нужен этот артефакт, и значит, он согласится обменять мою свободу на кольцо!

– Вот видишь! Умная голова – хорошо, а две других четверем ногам покоя не дают. – Он улыбнулся. Поднялся и, стянув со стога уже подсохшую рубаху и плащ, оделся. – Ну что? Спать?

– Было бы неплохо. – Я отвела взгляд. – Только где?

– Закапывайся! – Ник таким широким жестом указал на нору в сене, словно это был пятизвездочный трактир со всеми удобствами!

Раздумывала я недолго и, представив себя гусеницей, заползла в сено. Почти сразу же где-то слева послышалось шуршание, и голос Ника совсем рядом произнес:

– Спокойной ночи.

Я уже начала засыпать, когда сквозь сон послышалось цоканье и в сене снова что-то зашуршало.

– Эй, народ! Спим? – Громкий шепот Борьки раздался справа от меня. Не дождавшись ответа, он шумно выдохнул и почмокал губами. – Спим. Ну и правильно!

Я промолчала, пытаюсь справиться с разыгравшимся воображением. Мне вдруг представились торчавшие из сена копыта. Скорее всего, Борька, как и Ник, вырыл себе гнездышко рядом со мной.

Эта картинка оказалась настолько абсурдной, что я тихо похихикала и уже в отличном настроении незаметно для себя заснула.

Утро наступило внезапно...

– Глянь, Клавдия, шо творится!

– Шо, Макар?

– Черти в твоём стогу ночуют.

– Да не бреши!

– Собаки брешут! Гля – копыта!

– Дык а вдруг это конь?

– Где ты видела ночующего в стоге сена коня?

– Дык тогда, мож, попа привести?

– Не. Он вчерась так самогонкой причастился, сегодня раньше вечера не очнется. А разбудишь – чертей ловить начнет.

– Так вот и хорошо! Пушай этого копытного поймает!

Слушая незнакомые голоса – один громкий, визгливый, другой неторопливый, басовитый, – я медленно всплывала из омута сна. Снилось что-то непонятное, тревожащее, но едва я приоткрыла глаза, как все, что волновало ночью, забылось. Словно ветерок выдул из головы.

Я сосредоточилась на голосах.

– А может, все-таки самим посмотреть? Вдруг вправду лошадь прибудная – поделим!

– Хм... – Видимо, последний довод все-таки решил спор в пользу женщины, и ее собеседник после короткой паузы лениво пробасил: – Ну ладно, давай посмотрим. Бери вилы, а я за ноги потяну.

– Взяла...

– Тогда поехали!

Но поехать так никто никуда и не смог. Рядом завозились, раздался стук, и дикий визг заставил меня похолодеть.

– Дьявол! Дьявол!!!

Дружный удаляющийся топот подсказал мне, что любопытство сгубило не только кошку.

– Что за люди? – послышался недовольный Борькин голос. – Мало того что любопытные, так еще и психически неустойчивые! Стоило только пару раз их хорошенечко лягнуть, и спящего в стогу коня сразу записали в дьяволы.

– Выбирайтесь! – послышался неподалеку голос Ника, шорох сена, и вскоре в образовавшуюся дыру заглянула серьезная физиономия нашего попутчика. – Надо уходить. Крестьяне в пригороде всего боятся, и если поднимаются, то всем скопом. Нам сильно не повезет, если с красноногим дьяволом придет разбираться все село. Сожгут вместе с сеном.

Аргумент прозвучал весомо. В следующую секунду я была на ногах и всюю помогала Нику вытягивать застрявшего в сене (не иначе, для сытного завтрака) жеребца. В результате наших стараний от стога почти ничего не осталось. Дождаться возмездия в лице трусливых селян мы не стали, и едва сели на Борьку, как тот стартовал с такой скоростью, что мы не заметили, как миновали неблизкий путь до Средних Колодцев.

– Может, поищем чего перекусить? – наконец после затяжного молчания буркнул у меня над ухом Ник.

– Отличная идея! – Я подняла вверх большой палец, не сводя взгляда с разноцветных крыш довольно большого поселения, приближавшегося к нам с каждым вздохом. – Но у меня нет ни копейки.

– Это не проблема. Средние Колодцы – деревня большая, попробуем заработать. – В его голосе мне послышалась улыбка. Он легонько тронул поводья, направляя Борьку к колодцам, окружавшим селение не хуже стены.

Тот послушно свернул на широкую, посыпанную красноватой галькой каменистую дорогу, ведущую прямо к домам.

На первой же улице наше внимание привлек женский плач и оживленная толпа, окружившая небольшой, крашенный желтой краской дом с корявой вишенкой у плетеной ограды и крошечным огородом.

– А вот и работа... – Ник подождал, когда мы приблизимся, дернул поводья, заставляя Борьку остановиться, и спешился.

Я скатилась по Борькиному боку и направилась за ним.

Меж тем Ник подошел к ближайшей группке мужчин, тронул стоявшего к нему спиной здоровяка и поинтересовался:

– Что случилось?

Мужчины тут же как один развернулись к нам, и такие у них были мрачные лица, что я поспешно ретировалась за спину Никиты и уже оттуда мельком их оглядела. Все широкоплечи, невысоки, одеты по-простому. У каждого на поясе широкий нож, а у кого и топор, и почти все светло-русые бородачи.

– Кто такие? – шагнул к нам один и, пытливо разглядывая, выразительно сжал рукоять висевшего на поясе ножа.

– Я – Никита Заречный, – Ник смело встретился с ним взглядом, – а это сестра моя – Васька. Мимо проезжали. Услышали крики.

– Услышали крики и лезете в самое пекло? Ехали бы подобру-поздорову... – все так же неприятливо пробурчал мужчина, но руку убрал.

Ник вежливо улыбнулся:

– Да мы бы и ехали, да закрома пустые, и во фляжке вода закончилась. А тут ваше село. Кто же не знает чистой, сладкой воды Колодцев?

– Да-а-а уж... – тоскливо протянул другой.

– Нет больше той воды! – вздохнул третий.

– А что за беда у вас приключилась? – Ник нахмурился.

Мужчины переглянулись.

– Никто не знает. Да только полсела будто вымерло за пару дней! Люди стали впадать в странный сон. Будто и не сон, а смерть. Да только как хоронить, живых-то?

Ник задумчиво поскреб щеку:

– Живых?

– Да. Говорю же. Хоронить уже собрались, да слышали едва заметный стук сердца. Никто не знает, что за напасть. Люди боятся. Воду не пьют, думают – отравили. А все равно болезнь не отступает.

– А здесь, – мой названный «братец» мотнул головой в сторону дома, – я так понимаю, тоже сегодня кто-то не проснулся?

– Да. У Марьяны. Сынок, – охотно встрял колченогий старик. Притиснувшись поближе, он уже несколько мгновений прислушивался к нашему разговору. – Десятый год от роду пошел.

– А посмотреть? Можно? – Ник сунул мне в руки поводья стоявшего рядом Борьки.

– Это тебе что, балаган? – вдруг выверились мужчины.

Ник примирительно поднял ладони.

– Ни в коем случае не хотел вас обидеть, но... Я пять лет служил у шамаханских шаманов, а они известные на весь мир целители. Подумал, вдруг смогу помочь?

Мужчины в какой уж раз переглянулись. Боясь показать блеснувшую в глазах надежду, говоривший с нами развернулся и пошел к дому. Не знаю уж, что за шишка он в этой деревне, да только толпа в два счета расступилась, открывая нам дорогу к калитке.

– Борь, подождешь здесь? – шепнула я на ухо коняге.

Тот скосил на меня глаза и только заговорщицки прятнул ушами.

Шпион.

В засаде!

Накинув уздечку на колышек забора (на всякий случай), я тоже бросилась в дом. Конечно, похвастаться годами обучения у шаманов я не могла, но любопытство грозило укатить меня не хуже загадочной болезни.

Посыпанная гравием дорожка привела нас к крыльцу. Перемахнув две вышарканные ступеньки, я шмыгнула в приоткрытую дверь и замерла, ослепленная густым сумраком и оглушенная тишиной, царившей в доме. И даже как-то зябко!

Я поежилась. Проморгалась, привыкая к полумраку, покосилась на Ника, замершего посередине единственной комнаты, и с опаской огляделась. Какая-то траурная обстановка... Два окна в единственной комнате занавешены темными шторами. Покрытый половиками пол. В центре квадратный стол. Два стула. За столом сидит женщина. Вся в черном, словно нахолившаяся галка. У стены две кровати, на одной из них, свернувшись калачиком, лежит ребенок. На мгновение мне показалось, будто он и вправду спит.

Ник отмер, подошел и, сев на краешек, взял мальчонку за руку. Позади меня хлопнула дверь. Я обернулась, разглядывая нашего проводника. В ответ он зыркнул на меня так, что я поспешно отвела глаза, прошагала вперед и остановилась у стола. Женщина даже не посмотрела на меня. Тяготясь молчанием, я едва слышно у нее поинтересовалась:

– А что-нибудь особенное произошло перед тем, как в селе началась эта болезнь?

Та, будто не услышав меня, продолжала сидеть, буравя невидящим взглядом изрезанный стол, зато заговорил мужчина:

– Позавчера к нам в село забрел путник. Высокий, худой. Одетый в черный не то плащ, не то балахон с капюшоном. Попросился на ночлег. Да только хозяйева дома, когда его лицо увидели, даже на порог не пустили.

– И у них первых не проснулся ребенок? – Ник поднялся и, не отводя взгляда от говорившего, подошел ко мне.

– Ну почему же ребенок? Хозяин, что не дал ночлега путнику. А потом, как цепная реакция, эта напасть распространилась на все село! – Мужчина скупно вздохнул.

– Что ж... – Ник коротко взглянул на меня и снова посмотрел на него. – Не знаю, кто так решил отомстить вам за негостеприимство, но месть поистине жестокая... Такой эффект дают цветки серебряной лилии, и через несколько недель вы все были бы обречены на медленную смерть, а ваши дома на разграбление. Почистите колодцы и бросьте туда по змееголовнику.

В его руке появился красновато-серый камешек. Совсем такой же, какими была усыпана подъездная дорога.

Мужчина недоверчиво нахмурился и даже шагнул ближе, не отводя от камня взгляд.

– И ты, путник, уверен, что это поможет?

– Уверен. А чтобы кто-нибудь снова не причинил вам зла, советую сделать на колодцы крышки и закрывать их на ночь. – Ник сунул ему в руку камень.

– Но ведь и днем можно подсыпать какой-нибудь гадости, – оживилась сидевшая за столом женщина, услышав, что ее сын может поправиться.

– Можно. Но серебристая лилия боится лучей солнца, поэтому ее называют Дитя ночи, или Серебряная смерть. Поэтому днем ее уж точно не подбросят, а даже если подбросят, этот цветок не причинит вреда. Солнечные лучи убивают яд. – Ник развернулся и направился к двери.

Я вышла следом. У самой калитки нас догнал все тот же мужчина, вот только теперь его светлые глаза светились радостью.

– Я уже приказал заняться чисткой колодцев! – выпалил он и поделился планами: – На первое время можно будет поставить караул, чтобы следить за ними и днем и ночью.

– Очень здравая мысль, – улыбнулся Ник. – Иначе в мире не хватит принцесс, чтобы разбудить хотя бы половину ваших спящих красавцев. Что ж, были рады помочь, а теперь нам пора. – Ник подтолкнул меня к калитке, вышел следом и направился к послушно ожидающему Борьке, но нам преградили путь несколько мужчин.

– Уже уезжаете?

– Может, останетесь?

– Отдохнете.

Ник по очереди смерил их внимательным взглядом и вдруг усмехнулся:

– Опасаетесь, что мое лечение не работает?

Мужчины смущенно переглянулись и покаянно потупились.

– Не то чтобы...

– А может, вы все же заставите хоть одного из них проснуться?

– Ясно. – Ник потрепал по холке Борьку, тут же разомлевшего от такой ласки и, взяв его под уздцы, кивнул: – Ведите.

Мужчины снова переглянулись.

– Куда?

– В дом, где мы с сестрой смогли бы отдохнуть, – пояснил Ник. – Кстати. Пусть это будет дом того, кто не проснулся первым.

Огромный дом негостеприимного хозяина находился почти в центре села. И жил в нем с семейством не кто иной, как деревенский глава.

– Интересно, зачем колдуну понадобилось искать ночлег так далеко от дороги? – словно невзначай любопытствовала я, поглядывая на двухэтажный каменный дом, обнесенный высокой оградой, за которой, порыкивая для проформы, бегали волкодавы.

– Тем более в этом доме. – Ник понимающе смерил взглядом возвышающееся перед нами здание. Не здание – дворец!

– Вы думаете, что это был кто-то, специально навестивший нашего уважаемого главу? – Один из провожатых прислушивался к нашему разговору и не скрывал этого.

– Вполне возможно. Вот только если счеты личные – зачем травить других... – Ник замолчал, внимательно поглядывая на лязгнувшие засовы.

Створка ворот чуть приоткрылась, и оттуда высунулся любопытный веснушчатый нос слуги.

– Господа желают видеть хозяйку? – проблеял ломающийся подростковый тенор. – Кликнуть?

– Не утруждайся, – осадил парня Ник, подошел и, открыв пошире створку, шагнул мимо склонившегося в поклоне слуги, не забыв опять сунуть мне в руки уздечку.

Нет, ну какова наглость! Как кататься, так вдвоем, а как тайны распутывать...

Я оглянулась на провожатых, но те, не замечая моего растерянного взгляда, ровным строем протопали мимо меня вслед за Ником.

Заметив, что даже слуга пытается сделать от меня ноги, я цапнула его за рукав, всучила уздечку и юркнула во двор.

Борька насмешливо заржал.

Двор был довольно большим. От ворот уходила к дому широкая дорожка, украшенная разбитыми по бокам клумбами, а чуть дальше ее окружали яблоневые деревья, за которыми виднелись крыши приусадебных построек. Ника я заметила сразу. Он стоял возле массивного каменного крыльца хозяйского дома, увитого диким виноградом, и внимательно слушал всхлипывающую черноволосую девушку примерно моих лет. Рядом почтительно застыли провожатые.

Я быстрым шагом направилась к ним по выложенной красными камушками дорожке. Заметив еще одну свидетельницу ее горя, девушка перестала жалобно бормотать, размазывая по щекам слезы, и недовольно уставилась на меня. Обогнув селян, я остановилась рядом с Ником и мило улыбнулась не спускавшей с меня мрачного взгляда девице.

– Мое почтение! Примите мои...

Но девица, не дослушав меня, вдруг бросилась Нику на шею:

– Пожалуйста! Помогите! Оживите моего папеньку!

Гм... какие припадочные нынче пошли селянки...

Ник терпеливо выдержал объятия и даже утешающе похлопал страдальцу по спине, затем, отступив, серьезно заинтересовался, буравя ее ехидным взглядом:

– А что... он уже начал смердеть?

– Что? – Девушка явно не поняла юмора и истово перекрестилась. – Нет! Нет, конечно! Он жив, но спит!

– Значит, нужно только разбудить? – В голосе моего попутчика послышалось нескрываемое разочарование. – Жаль. За воскрешение целители берут плату побольше. Вот только последствия непредсказуемые.

– Какие последствия? – Девица захлопала ресницами так быстро, словно собиралась взлететь.

– Разные... – По губам Ника скользнула улыбка и тут же пропала. Отодвинув девицу, он, не разуваясь, шагнул в дом.

Я помедлила секунду и направилась следом.

Нам открылся длинный коридор и шесть дверей в ряд. На каменных стенах по обе его стороны крепились массивные подсвечники, на которых, сияя робкими огоньками, доживали свои последние часы молочно-белые свечи. Потёки воска залили бронзовых ангелов, державших оплавленные свечи на своих плечах, и никто не торопился снять воск, никто не желал заменить умирающие огоньки новыми свечами. Огромный дом словно вымер. Но даже этот скудный мерцающий свет не помешал мне разглядеть массивные, украшенные металлическими вставками двери. Пять оказались заперты, и лишь одна, в самом конце коридора, была открыта. Оттуда доносилось не то рыдание, не то бормотание.

Ник бросил на меня быстрый взгляд, и мы не сговариваясь решительно направились на звуки.

Картина, открывшаяся нам, тоже не внушала надежды. В центре полутемной комнаты, освещенной огоньком единственной свечи, на высокой кровати лежал богато одетый мужчина, а возле него, закрыв лицо руками, всхлипывала худенькая женщина.

– И вправду можно принять за покойника, – ни к кому не обращаясь, буркнул Ник и прошел к постели.

Женщина испуганно вздрогнула, развернулась к нему и замерла, не отводя настороженного взгляда. Между тем Ник коснулся руки мужчины, приподнял ему веки и наконец, довольно хмыкнув, обратился к женщине:

– Хозяюшка, принеси-ка в кувшине воды да стакан не забудь захватить.

Не спросив, ни кто мы такие, ни зачем нам все это надо, женщина бесшумно поднялась с низенького табурета и выбежала из комнаты, а спустя мгновение снова вернулась, держа в руках все, о чем просил ее Ник. Поставила на табурет, а сама встала у кровати, глядя на гостя воспаленными глазами.

– Тебе помочь? – спросила я из вежливости, поглядывая на бездыханного хозяина.

– Лучше не мешай! – буркнул тот, наполняя стакан водой.

Я пожалала плечами и принялась наблюдать, как Ник кинул в кувшин один за другим несколько красноватых камушков, подождал, наполнил стакан кроваво-красной жидкостью и протянул женщине:

– Держи. Я подниму ему голову, а ты попробуй напоить этой водой.

Наступил волнительный момент. Я даже невольно прикусила губу, наблюдая, как женщина робко пытается влить воду сквозь крепко стиснутые зубы псевдопокойника. Если поможет – хорошо! А если не поможет? Нет, не то чтобы я не верила моему попутчику, но все же...

Наконец Нику надоел перевод целительной влаги. Он сел рядом и, все так же поддерживая голову мужчины, помог разжать тому зубы. Несколько глотков, и дело пошло быстрее. Дыхание хозяина участилось, дрогнули веки.

– Маха? – послышался наконец его тихий, охрипший голос.

– Я здесь! – Теперь в воспаленных бессонницей глазах женщины плескалась радость пополам с безумием. – Я здесь!

Деревенский глава открыл глаза и вдруг сладко зевнул.

– Сколько времени? Я же проспал совет старейшин! Почему ты меня не разбудила?

– Если бы мы случайно не оказались поблизости, вы бы проспали не только совет. – Ник поднялся с постели, подхватил лежавшую рядом вторую подушку и подsunул ее под спину мужчины.

Глава поспешно обернулся к Нику и удивленно вытаращил глаза:

– Кто ты? И что ты делаешь в моем доме? В моей спальне?

– Фома, это целитель! – ответила вместо Ника женщина. – Ты спишь вот уже почти три дня! Помнишь? Тебя заколдовал тот ужасный странник, что просился к нам на ночлег!

С лица мужчины схлынули все краски.

– Да... – Он уставился на пламя свечи. – Он... я до сих пор помню его глаза... Серебристые, без зрачка, словно залитые свинцом... А потом вышла моя жена и... Ничего потом не помню!

Я вдруг почувствовала, что задыхаюсь, и поискала взглядом, куда бы сесть. К сожалению, одна-единственная табуретка оказалась занята нехитрым лекарством, а садиться на кровать к незнакомцу не позволял вбитый годами дворцовый этикет.

Ладно, пол тоже сойдет...

Я сползла по стенке, пытаясь отогнать душный жар свечи. Неужели это был Феникс?

К счастью, никто не обратил на меня внимания. Ник продолжал расспросы, а хозяин так же вяло ему отвечал.

– Что он говорил?

– Попросился переночевать.

– Сказал, куда идет?

– Нет. Только спросил, далеко ли до Еремеева королевства.

– А почему вы отказали ему в ночлеге?

– Потому что он откинул капюшон и посмотрел мне в глаза.

– Вы испугались?

– А ты бы сам не испугался, когда бы увидел вспыхнувшего как спичка человека? – Хозяин подержался за грудь и решительно свесил ноги с кровати. – Я очень благодарен тебе за мое спасение, но отвечать на эти вопросы не хочу. Говори, что тебе нужно! Я с удовольствием тебя награжу, а взамен ты расскажешь, как заставил меня очнуться!

– Старейшины уже знают мой рецепт. – Ник с неизменной улыбочкой на губах поднялся. – Просто я должен был показать на деле, как мое лекарство работает, и они выбрали для эксперимента своего главу.

– Похвально. – Мужчина тоже улыбнулся, но было видно, что эта улыбка ему далась очень тяжело. – Так что тебе нужно, целитель?

Ник пожал плечами:

– А что нужно путникам? Деньги, еда да вода.

– И ночлег?

– К сожалению, мы торопимся. – Ник продолжал выжидающе на него смотреть.

Деревенский глава кивнул и сделал знак жене:

– Дай ему то, что он просит.

Женщина благодарно посмотрела на Ника и бросилась исполнять приказание. Муж проводил ее взглядом и снова уставился на Никиту.

– Еду и деньги ты получишь, когда решишь покинуть Колодцы.

– Значит, сейчас. – Ник довольно кивнул и обернулся ко мне: – Василиса, сестренка, мы можем... – Он замолчал. Я видела, как испуганно расширились его глаза, когда он увидел меня сидящей у стены. – Василиса?

Как он так быстро оказался рядом?

– Все хорошо. – Не отводя от него взгляда, я попыталась улыбнуться.

Какой же тут горячий воздух! Словно огонь проникает в легкие, делая их пеплом...

Его глаза вдруг приблизились и завертелись, утаскивая меня в опасный водоворот. Последнее, что я запомнила, были руки Ника, легко поднявшие меня. Прижав к себе, он бросился вон из комнаты. Видимо, на улицу, но солнечного света я так и не увидела, все глубже и глубже погружаясь в спасительную темноту.

Глава 4

– Слушай, а может, ей на голову полить?
– Решил ее утопить?
– Ну почему сразу утопить? Шок очень хорошо приводит в себя!
– Шок – это ты! Кониная говорящая – первый раз такое вижу. Ты что, хочешь узнать о себе много нового, когда эта барышня очнется после твоего «шока»?

– Ты хотел сказать – если очнется?
– Типун тебе на язык больше твоей головы!
– А чего ты так перепугался? Аль понравилась?
– Давай так – ты не задаешь лишних вопросов, а я не говорю, куда тебе идти!

Я глубоко и судорожно вдохнула и распахнула глаза. Жива! И прохладный, напоенный запахом трав ветерок уже не напоминает тот жар, что пытался спалить меня изнутри. А может, всему виной моя разыгравшаяся фантазия? Я наткнулась на след Феникса и... испугалась!

Кстати, а где мы? И почему так пахнет сеном?

Изучив над головой медовые бревна с каплями застывшей смолы, я рывком села и огляделась. Да мы же на сеновале! Отдыхаем на небольшом стоге пожелтевшего сена, оставшемся, наверное, еще с зимы.

В шаге от меня, заложив руки под голову, лежал Ник. Сосредоточенно покусывая длинную травинку, он терпеливо поглядывал на меня серыми глазюками и молчал, не спеша начинать разговор. Его ленивый спор с Борькой прекратился, едва я подала первые признаки жизни.

Так... а где же наш говорливый?

Я даже привстала на колени и заглянула вниз. Пропажа нашлась тут же. Коняга устроился на животе, на усыпанном сеном бревенчатом полу, рядом со стогом, служившим нам с Ником довольно неплохой кроватью. Причем устроился вольготно: передние ноги он сложил в задумчивом жесте одну на другую, а задние раскидал в свободном полете. Заметив мой изучающий взгляд, Борька попытался подмигнуть, но его длинные рыжие ресницы только синхронно хлопнули, придав его наглой морде легкий налет игривости. Сообразив, что фокус не удался, зверюга решил воспользоваться не так давно приобретенным даром.

– Как спалось, хозяйка? Во сне не икалось?

Я решила проигнорировать его приветствие, отползла от края и взглянула на Никиту.

– Где мы?

– Все там же. – Он перекатился на бок и подпер кулаком щеку, продолжая разглядывать меня. – Пока милая жена главы согласилась приютить нас и несколько часов меняла тебе на лбу повязки, я вместе с ее мужем и группой поддержки разбудил всех лежебок. Помог соорудить крышки на колодцы и научил, как отличить змееголовник от крашенных камушков. Лучше расскажи, что с тобой произошло? Ты горела в лихорадке, пока я не дал тебе целебного питья, а во сне просила Феникса простить тебя за побег и не трогать папу... – Ник выплюнул травинку и рывком сел. – Мне в принципе нет никакого дела до твоей жизни и твоих кошмаров, но хочу посоветовать – не надо бояться. Страх обессиливает! Тем более что ты боишься того, чего нет! Того, что тебе подсовывает твое воображение.

– Ты ничего не знаешь! Тоже мне мозгоправ нашелся! – Я посмотрела ему в глаза. Интересно, какого они цвета? При свете солнца кажутся зелеными, а в полумраке сарая – серыми. И тут же разозлилась на себя – да какая разница? Наглые они у него! – Думаешь, я просто испугалась его обожженного лица? Нет! Когда смотришь на него, кажется, что пламя, изуродовавшее его, все еще горит под кожей... и глаза... Они выжжены! Белые, без зрачков! Но он все равно как-то видит! И когда смотрит, такое впечатление, будто ты сам вот-вот загорисься! И я не представляю, что он сделает со мной за мой побег!

– А почему ты согласилась выйти за него? – Парень потянулся и нехотя спрыгнул вниз.

– Потому что я не могла за него *не* выйти! – Я тоже съехала вслед за ним и направилась к Борьке. Умный зверюга. Молча поглядывает на нас. Понимает, что, если я в таком состоянии, ко мне лучше не лезть! А вот этот... вьюнош!.. не понимает! – Мне Мафа сказала, что иначе он бы убил отца! Понимаешь?

– Не понимаю! – Ник резко развернулся и сложил руки на груди, буравя меня дотошным взглядом. – Нельзя же так легко верить всему, что тебе говорят! А его самого ты расспросить обо всем не догадалась? Теперь бы голову не ломала.

– Пыталась! Почему не пыталась? – Я подбоченилась. – Но он со мной и говорить не стал! И вообще! Ты на чьей стороне?

– На своей! – Ник вздохнул и подошел к Борьке, присел рядом с ним и, взяв пучок сена, принялся тереть им шкуру тут же разомлевшего жеребца. Нет, так он мне скоро коня избавляет! Впрочем, хорошо, что он за ним ухаживает. Раньше это входило в обязанности конюха Парамона.

– Объясни! – Я решила не отставать.

– А чего объяснять-то? – Ник повел широкими плечами и, не прекращая своего занятия, лениво принялся пояснять: – Я спас от бандитов девушку знатного происхождения, которая сбежала от влиятельного мужа. И это еще полбеды. Она не знает, куда и зачем идет, у нее нет сопровождения, кроме болтливого средства передвижения, и я взялся довести ее до определенного места. Так?

Я растерянно кивнула:

– Так.

Интересно, к чему он клонит?

– А что потом? – Он отбросил истершуюся траву и посмотрел на меня. Теперь его глаза вообще показались мне темного болотного цвета.

– Найду кольцо и вернусь к отцу. – Я передернула плечами.

– Это в идеале! Но даже если найдешь, как ты вернешься? Ты даже не знаешь обратной дороги!

– К слову сказать, я дорогу тоже не очень-то запомнил, ни когда в переход сигал, ни когда мы по речке плыли, – мурлыкнул Борька и томно попросил: – А можно еще такой же массаж на левой нижней части спины?

– Вот! – Ник снова взял клоч сена. – А мне нужно возвращаться домой. Нет, я, конечно, не брошу такую красивую девушку в беде, но...

– Но? – Не зная, чем унять внезапное волнение, я тоже ухватила сено и принялась отчаянно тереть другой Борькин бок. Плохо, что подпруги мешают.

– Хотелось бы помимо эстетического наслаждения этой миссией получить еще и материальное.

Я даже опешила:

– Ты говоришь о награде? Я должна буду тебе заплатить? За что?

– За то, что я стану твоим проводником. – Ник широко улыбнулся, и задорные ямочки снова украсили его и без того симпатичное лицо. – Я хорошо знаю все царства-государства, немного владею целительством и мечом. Я стану твоим телохранителем и, когда ты найдешь то, что ищешь, с удовольствием провожу тебя до дому.

А чего я ждала? Что молодой и красивый путник останется со мной из-за моих прекрасных глаз? Может, его в Заречном королевстве какая-нибудь Дуня ждет не дождется? Но... предложение не лишено смысла. С попутчиком-мужчиной легко и не так страшно, как показал опыт с бандитами...

– Но у меня нет с собой денег! – Я развела руками. – Сейчас я нищая, как церковная мышь!

– Вот! Поэтому есть два варианта. – Не переставая улыбаться, Ник принялся загибать пальцы. – Первый – я привожу тебя к твоему мужу, и за то, что возвращаю ему жену в целости и сохранности, он дает мне золотые. Второй – я привожу тебя к отцу. Концовка та же.

– Хорошо. – Я поспешно кивнула. Уже легче! – Я согласна. В любом случае, когда все закончится, ты получишь награду. Надеюсь, не будем торговаться?

– Не будем! – Ник враз стал серьезным. Теперь его глаза снова были светлого серого цвета. – Верю, что ты оценишь мою службу по достоинству.

Он приподнял край седла, чтобы пройтись под ним самодельной щеткой, но оттуда вдруг что-то выскользнуло и упало в сено. Подцепив за веревочку печально знакомый темный мешочек, Ник покачал его у меня перед глазами.

– А может, и аванс найдется? – Но, заметив мой хмурый взгляд, тут же сдался: – Шучу-шучу.

Выхватив у него из рук находку, я развязала мешочек и замерла, не в силах поверить в неведомую магию, что позволила мне снова обрести тетушкино зеркало и мамин подарок – брошь с зелеными камнями. А ведь никакой магии не было! Я сама перепрягла мешочек, перед тем как спешиться у конюшни. На внутренней стороне седла Парамон давным-давно сделал небольшой тайник.

На всякий случай...

Вот и пригодилось...

Интересно, как я могла забыть, куда подевала эти драгоценности?

– Что это? – Ник поднялся, пытаясь заглянуть в мешочек, но я торопливо стянула веревку и спрятала находку за корсет.

– Ничего. Вещи личной гигиены! – И поспешно сменила тему: – К слову сказать, мы ночевать тут будем или все-таки продолжим путь?

– Как хочешь. – Он снова напустил на себя вежливое безразличие. – Если прямо сейчас выйдем, можем попытаться добраться до города прежде, чем закроют ворота.

– А если доберемся после закрытия? – Я прищурилась. Надо же узнать все детали этой авантюры.

– Придется ночевать у городской стены. – Снова милая, но уже начинающая раздражать меня улыбочка.

– Тогда поехали. – В следующую секунду я была на ногах и легонько ткнула Борьку носком сапога в «левую нижнюю часть спины». – Вставай! Чай, не в отпуске!

– Печально! – философски вздохнул жеребец, но с радостью вскочил. Видимо, тоже не прочь ноги поразмять.

– Что за спешка? – Ник стянул со стога дорожный плащ, заменявший ему и одеяло и простыню, отряхнул и накинул на плечи. – Готова даже крышей над головой рискнуть, только бы побыстрее со мной рассчитаться?

– Сплю и вижу! – фыркнула я. – Не люблю, знаешь ли, быть должной!

– Угу... похвально! – Он взял Борьку под уздцы и повел к приоткрытым дверям, размышляя вслух: – Интересно, а кто за тебя больше денег даст – твой отец или супруг? А папаша-то удивится... Или скажешь, что повидаться приехала? А потом... бац!

– Давай без «бац»? Указывай путь, за тем тебя и наняли! – Не скрывая раздражение, я первой бросилась вон из сарая и чуть не сбила с ног древнюю бабку. Придерживая за руку, ее, как на грех, вела та самая молоденькая девушка, что встретила нас на пороге дома. – Ой, извините, я вас не видела!

– Ты такая же слепая, как и я? – ехидно прошамкала бабка, разглядывая бельмами глаз что-то над моим плечом.

Я замаялась, не зная, что ответить, но тут двери сеновала распахнулись и из них, гарцуя, вырвался Борька, неся на спине моего только что нанятого телохранителя. Я отскочила

подальше, а девушка, продолжая держать за руку старуху, осталась стоять, во все глаза глядя на замершего в полуметре от них жеребца. Быстро оправившись от испуга, она протянула Нику какой-то узелок и даже попыталась улыбнуться.

– Спасибо от всего нашего села.

– Всегда пожалуйста! – заулыбался в ответ Ник.

– Обращайтесь. И недорого! – не удержался Борька.

Вдруг старуха перестала разглядывать раскрашенные облаками бездонные небеса, уставилась бельмами глаз на Никиту так, словно могла видеть, и зашипела как рассерженная кошка:

– Нашелся!!!

Вместо того чтобы проигнорировать полоумную старуху, Ник выхватил из рук девицы узелок и поспешно свесился ко мне.

– Хватайся.

Не раздумывая, я поймала его руку в замок. Он легко втащил меня в седло и, придерживая одной рукой за талию, прищипорил Борьку так, что конь одним прыжком перемахнул через этих двоих, перелетел через низкую перекладину забора и понесся вниз по улице, а вслед нам летел истошный вопль старухи:

– От меня не уйдё-о-ошь!!!

– Ну и что это значит? – поинтересовалась я, не обращая ни к кому конкретно.

Борька, стремясь загладить вину, скакал так долго, как только мог, пока не выдохся. Буркнув: «Баста, карапузики!» – он сошел с тракта в густую траву и, перейдя на шаг, принялся срывать сочные былинки.

Ник продолжал сидеть позади меня, вежливо, но надежно придерживая одной рукой за талию и усиленно делая вид, что не услышал моего вопроса.

– Ну и что это значит? – повторила я и развернулась к Нику, пытаюсь увидеть его глаза.

– Где? – вместо него прочавкал конь.

– С тобой вообще разговор отдельный! – бросила я и снова посмотрела на сидевшего у меня за спиной телохранителя. – Что произошло? Почему у слепой бабки были такие... такие страшные глаза? И что еще за угрозы?

– Просто сумасшедшая старуха, – равнодушно хмыкнул Ник и тронул поводья, обращаясь к Борьке: – Долго сачковать будешь, друг ситный? Через час уже солнышко зайдет, а нам еще ехать и ехать!

– Да ладно тебе! Уже и отдохнуть не даст. От вас, кроме пинков и подзатыльников, ничего не дождешься! Изверги и рабовладельцы! – Борька стегнул хвостом, норовя нас достать, и послушно направился к дороге.

– Подумаешь, хлестнули его поводьями пару раз для быстроты реакции! – Парень тоже не собирался сдаваться. – Думать же надо, когда своими талантами пользоваться. Бабулька вон окончательно сбрендила, когда твой чувственный тенор услышала!

Борька повернул к нам голову, смерил долгим взглядом и, не отвечая, сорвался с места в карьер. Я едва успела вцепиться в поводья, которые одной рукой держал Никита, и замерла, глядя, с какой скоростью нам навстречу летит пыльная дорога.

Н-да... нервная коняга... Что ж, зато у меня есть время подумать.

Во-первых: Феникс. Если в Средних Колодцах был он, то зачем отравил мирных жителей? И только ли потому, что его не пустил на ночлег не кто-нибудь, а местный глава? Ха! Да это все равно что если какой-то бродяга придет и будет требовать комнату во дворце папеньки! Ведь не знал же глава, что к нему в гости пожаловал колдун! Или знал?

Во-вторых! Если честно, меня очень – разочаровал, что ли? – мой попутчик. Оказывается, он бросился мне помогать, только чтобы получить деньги! Обычный наемник! А что я хотела? Что мне все будут помогать даром? За красивые глазки? Ладно... Если все получится,

заплачу ему столько, сколько он попросит, и адью! Главное, колечко найти и вытребовать у мужа развод!

Ну и в-третьих... Мне никак не давала покоя увиденная у сеновала картина. Слепая бабка смотрела не на говорящую лошадь, а именно на Ника глазами, похожими на глаза Феникса, и говорила странные слова!

«От меня не уйдешь». Что это значит? Может, просто сумасшедшая бабка? И смотрела она не на Ника, а ориентировалась на звук голоса?

Брр! Какая ерунда!

Решив не думать об этом, дабы избежать вывиха мозга, я только сейчас заметила, что одной рукой держусь за поводья, а второй вцепилась в запястье парня. Незаметно палец за пальцем я разжала руку и переместила ее на луку седла.

Так-то лучше! А то еще подумает... И вообще, чего тут думать-то? У нас чисто деловые отношения! Я – хозяин, он – проводник и по совместительству телохранитель!

Внезапно разозлившись сама на себя, я решительно уставилась вперед, где вдалеке, на фоне расцветенных багрянцем небес темнели высокие башни города, обнесенные высокой стеной. Время от времени кое-где над городом вспыхивали странные огни и сполохи, которые тут же гасли.

Неужели наша цель близка?

В предвкушении близкого окончания моих злоключений у меня от волнения заколотилось сердце. Теперь остается только молить бога, чтобы Цитрамон никуда не свинтил! Иначе где его искать?

С каждым шагом город-крепость приближалась, а я, чтобы хоть как-то себя успокоить, принялась считать первые звездочки, которые, как бусинки, одна за другой появлялись на еще алевшем красками заката небе.

Наконец громадина города выросла так, что мне стали слышны крики и голоса, раздававшиеся по ту сторону крепостной стены.

– Ворота! – крикнул Ник, привлекая наше внимание к все еще распахнутой створке массивных, сбитых из толстых мореных бревен городских ворот. Возле нее суетились две фигурки. Вторая створка уже была закрыта.

– Немного осталось! Успеем! – выпалил Борька и, прижав уши, прибавил ходу.

Стражники возились недолго, и я в ужасе увидела, как распахнутая створка вдруг качнулась и плавно поехала, отрезая нас от столь близкого счастья.

– Они сейчас закроют ворота! Борька, сделай что-нибудь!

И Борька сделал.

– И-и-и-о-охо! Эй! Народ! Тпру! К кому обращаюсь?! Что, вконец ослепли? Видите? Я тут скачу! Ну и двое нахлебников на спине... Эй ты! Рыжий! Только попробуй закрыть! Только попробуй! Найду и покусую! Я такой! Дюже нервственный!

От переливчатого вопля нашего коняги стражники замерли. В немом изумлении усталились на несущихся к ним во весь опор припозднившихся гостей, переглянулись и шустро принялись тянуть-толкать створку. Наконец им это удалось, и ворота с грохотом захлопнулись перед самым нашим носом!

– Ну ты молодец! – шумно выдохнул Ник и спрыгнул. Пройдя к створке, он запрокинул голову, изучил высоченные ворота и вежливо постучался. – Господа стражи, мы немного опоздали и, чтобы попасть в город, готовы заплатить вам две цены за каждого, и даже за нашу волшебную говорящую лошадь!

Тут же распахнулось крошечное окошко, и в нем засветился любопытством глаз.

– Волшебная, говорите?

– Ага. На выставку привезли! Если понравится, царю Берендею подарим.

– Чудненько, – хмыкнул голос и пожурил: – Да только больно она у вас агрессивная!

– Это только с виду. А так белая и пушистая! – заверил Ник.

– Белая, но рыжая? Это как? – озадачились стражи, даже палец о палец не ударив, чтобы открыть ворота.

– По настроению меняет цвет, – со зловещей улыбкой процедил мой спутник. Видимо, даже его ангельскому терпению пришел конец.

– А в темноте не светится?

– Мы над этим работаем! – Улыбка Ника стала еще шире, но взгляд не сулил ничего хорошего.

Стражи зашушукались и наконец приняли решение:

– Вы пока подождите. После закрытия ворот только начальник стражи может дать разрешение открыть их до рассвета.

– Ага! А сейчас его в городе нет, и раньше полуночи он не вернется.

Ник ругнулся сквозь зубы и, ни на кого не глядя, прошел мимо нас с Борькой к лежавшему неподалеку от ворот поваленному дереву. Яркое солнце уже высушило и высветлило его добела, а опоздавшие путники, коих явно было немало, отполировали сухой ствол своими... гм, своим бесконечным терпением.

Мы с жеребцом переглянулись и направились к нему. Я уселась рядом, а Борька решил не терять времени даром и принялся пощипывать травку.

Наконец молчание мне надоело.

– Да ладно тебе, Ник! Откроют же! Не в полночь, так утром.

– Может быть! – буркнул мой телохранитель, мрачно поглядывая на растворяющийся в сумерках закат.

– Лето! Не замерзнем! – продолжила я его успокаивать. – Только... есть хочется.

Ник молча поднялся, подошел к Борьке, снял с седла узелок с чем-то весомым и снова вернулся. Усевшись на прежнее место, он развязал и протянул его мне. Я повеселела, обнаружив в тряпице нарезанные ломтиками хлеб и мясо.

– С такими запасами мы точно до утра перезимуем!

– А комары? – тоскливо вздохнул Борька. Подобравшись к нам поближе, он для убедительности стегнул себя хвостом.

– Да ерунда! – отмахнулась я и соорудила двойной бутерброд. – Даже я знаю, что от них можно избавиться, капнув на кожу лишь пару капель сока полыни.

– Надеюсь, ждать придется недолго. – Ник тоже соорудил себе бутерброд. – Думаю, на байку о двойной оплате клонет даже начальник стражи. Не хочется только ждать его до полуночи!

Погрузившись каждый в свои мысли, мы с Ником незаметно съели наш нехитрый ужин. В металлической фляжке, тоже лежавшей в узелке, мы нашли ягодное вино. Жить стало легче.

– Теперь бы где-нибудь полежать... – Я вздохнула и сонно потерла глаза. Хоть и провалялась в обмороке, как сказал Ник, почти целый день, а спать хотелось невероятно! А может, тому причиной – ягодное вино?

– Где тут полежишь? – огляделся Ник и покосился на Борьку, неумоимо пощипывающего травку. – После этой газонокосилки здесь ничего не будет расти еще лет десять!

– На меня намекаешь? – тут же засопел Борька, бросив на него подозрительный взгляд.

– Отчего же намекаю? Прямым текстом говорю! – Ник поднялся, огляделся и лениво направился к невысокой, но густой траве, росшей сразу за дорогой, аккуратно напротив ворот. – Впрочем, пожалуй, я поспешил с обвинениями, ты еще не все уничтожил.

Стянув плащ, Никита расстелил его и с довольным стоном улегся на спину. Заложив руки под голову, он уставился в нависавшую над нами бездну фиолетового неба.

– Но это не дает тебе права не просить у меня прощения! – Борька решил не отступать. Промаршировав к нему, он улегся рядом в густую траву и мстительно заявил: – И я не произнесу ни слова и буду твоей молчаливой совестью, пока ты не извинишься!

– Неужели меня ждет несколько секунд тишины? – Ник уже не скрывал улыбки. – Раз, два...

– Секунд? Ты сказал – секунд?! Ну знай, что ты меня обидел! И о-о-очень сильно! Все! Ни слова больше! – Борька поерзал, катаясь с боку на бок, пока не улегся на спине, непередаваемым образом разбросав ноги в разные стороны.

Я покачала головой. Похоже, эти двое нашли друг друга. Подошла ближе и уселась на свободном клочке плаща моего телохранителя.

– Ты хотела полежать? – Ник, как галантный кавалер, тут же подвинулся, уступая мне почти весь плащ. – Для щедрого клиента ничего не жалко!

Сердце почему-то обожгла обида. Столько внимания, и лишь затем, чтобы в будущем получить гонорар побольше?

– Спасибо, но мне и тут неплохо. Земля теплая. Трава мягкая... – Я демонстративно пересела в траву подальше от него, свернулась клубочком и закрыла глаза, прислушиваясь к успокаивающему стрекоту кузнечиков.

Уснуть не усну, так хоть побуду один на один со своими мыслями и... чувствами? Да. Надо подумать! Хорошенько обо всем подумать!

Но мечты остались мечтами. Незаметно подступила дремота. Мне даже начал сниться сон, и тут...

– О! Курица! А вон еще одна. И еще... Целый косяк! Куда они летят, интересно?

– Борь, а можно считать их не вслух? – тут же раздался голос Ника. – У меня тут, может, бараны на юг улетают...

– Бараны это тоже актуально, – примирительно хмыкнул Борька и порадовался: – Хорошо, что коровы не летают!

Звук, раздавшийся где-то над головой, заставил меня на несколько секунд затаить дыхание:

– Му-у-у-у-у!

– А ты говорил, что не летают! – нервно хохотнул Ник и поспешно завозился. – Вась, просыпайся! Воздух!

Вот интересно, что было подмешано в вино? Или, может, хозяйюшка испекла лепешки из мухоморов?

Где-то совсем рядом раздался подозрительный «шмяк».

Я с трудом разлепила глаза, но от того, что я увидела, сон прошел моментально. Над нами, летя ровным косяком, неспешно перемещались в неизвестном направлении целые стада кур, баранов и коров. Где-то в центре поля они пропадали в невидимой воронке, но лепешки и горох по дороге оставляли самые настоящие.

Не стовариваясь мы вскочили и бросились бежать к воротам. Первыми добежали Ник с Борькой и гулко заколотили кулаками и копытами.

– Откройте!

– Откройте, пока дерьмом не закидало, а то покусая на фиг!!!

У меня над головой, со звуком метлы на магической тяге, что-то прогудело. Я запрокинула голову и замерла, во все глаза разглядывая огромную трехглавую тень. Мигнув зеленым светом восходящей луны, отразившейся на чешуйках, тень скрылась за стеной наукограда. Я проводила ее взглядом и бросилась к спутникам.

– Стойте! Не надо! Там... Туда дракон полетел!

Ник обернулся, видимо, хотел что-то сказать, но тут распахнулось окошечко, и на нас уставился сердитый глаз стражника.

– Опять вы? Говорю же! Скоро начальник придет! Как раз прибыл на своем ручном драконе.

– Ручном? – Я подошла поближе. – Тогда, может, все же запустите? Мы у двери посидим, его подождем! А то над головой помимо драконов еще и всякий крупнорогатый скот летает, а навеса-то нет!

– Да это наши животноводы-умельцы во главе с магами Павлом и Мичуром опыты проводят. А начальство не жалуется. Ночью ведь у ворот безлюдно, а с такими опытами и удобрения для травки не надобны. Все довольны!

– Угу! Кроме нас! – буркнул Борька.

– А кто вам виноват? Могли бы в «Придорожнике» заночевать.

– А это еще что такое? – не выдержал Ник.

– Так трактир выстроили, и году не прошло. Дальше туда. К столице. – Разговорчивый стражник неопределенно махнул рукой, задумчиво посмотрел в стремительно пустеющее небо и успокоил: – На сегодня уже закончили. Значит, и ждать не в тягость будет.

– Нет, ну почему бы тебе нам дверь не открыть, мил-человек? – не выдержал Борька, распахивая нас с Ником в разные стороны. – Мы никому не скажем! Чесслово! Еще и озолотим!

– А ты подумай, если такой умный! – нахмурился неподкупный страж. – Ежели вас в город запустят, так надо сначала все формальности пройти! А вдруг вы какие шпионы шамаханские? Ихний падишах тоже, поди, не лыком шит!

– Ясно! – Ник одной рукой цапнул за узду разошедшегося Борьку, второй сгреб меня и решительно направился прочь от ворот, туда, где вдоль крепостной стены пыльной лентой тянулся тракт.

Позади пощечиной захлопнулось окошко.

– Нет, ну какой он бездушный! Черствый, как... – Борька задумался, но, решив не мучиться с придумыванием метафор, подытожил: – Гад, короче!

– Просто подневольное существо, – хмыкнул Ник и, когда ворота скрылись в темноте, выпустил мою руку. – Ну ничего, не будем рисковать. Подождем до утра в этом «Придорожнике». А то вдруг начальник стражи решит, что не дело ему, такому крутому, проверять среди ночи городские ворота!

– Запросто может решить! – поддакнула я и с опаской посмотрела в небо. К счастью, теперь на нем, кроме крупных звезд, ничего не висело, не летало и не кружилось. – Кстати, Ник, а когда ты предлагал стражнику за нас двойную оплату, это ты ему врал или...

– Или. Глава Колодцев дал мне золотые червонцы. Так что нам бы хватило заплатить за вход, если бы не этот бюрократ хренов!

– А бю-ро-крат – это кто? – тут же решил пополнить свой словарный запас жеребец.

– А это стражник! – охотно пояснил Ник. – Так их называют тогда, когда они отказывают в ночлеге хорошим людям.

– И жеребцам? – уточнил для более четкого понимания Борька.

– И хорошим жеребцам! – не стал разочаровывать его Ник и вдруг замер.

Мы тоже остановились, до боли в глазах вглядываясь в темноту, и уже хотели продолжить путь, но тут... Неподалеку от нас прямо в стене засветился тусклым светом узкий прямоугольник двери, послышались приглушенные голоса. Две рослые фигуры, кутаясь в темные плащи, вышли на тракт и торопливо зашагали туда же, куда направлялись и мы. Выпустившая их дверь захлопнулась, и нас снова окружила ночь, напоенная ароматом скошенной травы и резким запахом натуральных удобрений, еще совсем недавно сыпавшихся с неба. И только быстрые шаги незнакомцев, постепенно стихающие в ночи, напоминали о том, ЧТО мы сейчас увидели.

– Вы думаете о том же, о чем и я? – тихо поинтересовалась я, прислушиваясь к обступившей нас тишине.

– Лично я думаю о том, что неплохо было бы по-маленькому в кустики сходить, – интимно прошептал мне на ухо Борька. – Хочешь составить компанию?

– Коняга ты и есть коняга! – снисходительно фыркнула я и кивнула на городскую стену. – Нет, я думаю не о кустиках, а о том, что мы сейчас находимся в шаге от того, чтобы попасть в город!

– И как? – заинтересованно выдохнул мне на ухо Ник. И то ли из-за природной вредности, то ли из-за моего бездельничающего телохранителя мне вдруг захотелось вытворить что-то этакое!

– А вот так! – Я мило ему улыбнулась и решительно направилась туда, где предположительно находилась потайная дверь. Даже если есть один шанс из ста, что тот, кто выпустил незнакомцев, может остаться ждать их у двери, мой план мог сработать.

Дверь долго искать не пришлось. Приблизившись к стене, я заметила тонкий волосок света, пробивающийся из крошечной щели, как свет маяка. Видимо, по ту сторону действительно находился сторож.

Подойдя вплотную к двери, я обернулась к увязавшемуся за мной Нику и с легкой полуулыбкой спросила:

– Я – красивая?

– Что? – опешил он, растерянно хлопая ресницами. – А при чем здесь это?

– Балбес! – тут же ввязался в обсуждение Борька. – Если девушка спрашивает тебя о таком, не надо ломаться! Ответ «да» – и ты в дамках! Вась, ты очень красивая, вот тебе мое честное жеребецкое слово. А тебе зачем этот опрос? Тем более сейчас?

Он шел за Ником, но я совершенно не слышала стука копыт. Надо будет потом поинтересоваться, может, у него есть и другие таланты помимо «неудержимой болтологии»? Например, ходьба на цыпочках при наличии копыт?

Вместо ответа я расстегнула несколько верхних пуговиц на рубашке, чтобы был виден поддерживающий грудь корсет, и громко постучала. Мои попутчики тут же бросились в разные стороны и затаились.

Почти тут же за дверью послышались шаги. Я услышала, как лязгнул засов, но страж открывать не спешил.

– Михайло?

Ник вжался в стену, в темноте блеснули его выразительно выпученные глаза. Я развела руками. Кто же знал, что страж такой любопытный попадетсЯ?

– Кто там? – не дождавшись ответа, занервничал стражник.

– Ой, извините меня, пожалуйста! Ворота закрыты, а здесь так страшно! – пропела я и рывком сдернула ленточку, помогавшую удерживать волосы на макушке. Шелковистая волна мягко окутала плечи.

Вовремя!

Дверь приоткрылась, и из нее, с шашкой наголо, осторожно выглянул усатый детина выше меня головы на три. Увидев перед собой хрупкую кудрявую блондинку с полуобнаженной грудью, он на несколько долгих мгновений потерял дар речи, правда, потом нашел.

– О! Пардон, мадам! А я тут как раз один... скучаю... – Затем, словно что-то вспомнив, он смущенно спрятал шашку и невзначай поинтересовался: – А как зовут-то тебя, мадам?

– Глаша! – Моя улыбка стала еще лучезарнее. Я поправила рубашку так, что доблестного стража уже не интересовали такие глупости, как имя, и принялась щебетать: – Я шла от ворот и увидела, как отсюда кто-то вышел. Вот и решила, что такой мужественный и сильный мужчина защитит такую маленькую, испуганную темнотой девушку! Ведь так?

Где-то сбоку, из темноты послышалось не обещающее ничего хорошего сопение. К счастью, страж был погружен в эстетическое наслаждение и не заметил подозрительных звуков.

Утратив бдительность, он глубокомысленно покивал, соглашаясь с моими словами, распахнул дверь и, шагнув ко мне, обнял за талию.

– Защищу, то есть защиту! Ты права. Темнота иногда таит в себе монстров, от которых только такой, как я, и сможет защитить такую незащищенную девушку, как...

Кулак и копыто вылетели из темноты с двух сторон одновременно. Стражник даже не смог понять, что его так припечатало. Он закатил глаза и рухнул бы на меня, если бы не контрольный хук слева, буквально внесший его обратно в дверь.

– Надеюсь, ему не больно? Вообще-то я хотела проникнуть в город без членовредительства. – Я мило улыбнулась шагнувшему из темноты мрачному Нику, но тот смерил меня таким взглядом, что я решила не продолжать. Мало ли... может, юноша не в состоянии смириться с собственной некомпетентностью в некоторых вопросах...

А вот Борька, наоборот, утопал в восторгах:

– Bravo! Какая игра, ма шер ами! На одну крохотную секундочку я даже пожалел, что вы, моя хозяйюшка, пардон, не лошадь!

– Долго будешь умничать? – рыкнул Ник, цапнул Борьку за узды и втянул его в освещенный тусклым светом фонаря закуток.

Не дожидаясь подобного приглашения, я скользнула внутрь и торопливо принялась застегивать пуговицы. Так... теперь волосы!

Пока Ник закрывал на засов дверь, я скрутила в шишку непослушные локоны и туго перевязала их ленточкой.

– Куда теперь?

Мы оказались в крошечной караулке: стол, три табурета и еще одна приоткрытая дверь, за которой плескалась ночь, разбавленная светом городских фонарей. Стражник глухо застонал, попытался подняться, но, встретив снова Борькино копыто, затих, что-то тихо бормоча. Я покосилась на Ника:

– Мы его здесь так и оставим? Он вообще как? Жить будет?

– А что с ним станется? У него же самый крепкий доспех – тут. – Ник легонько постучал себя по голове, сплюнул на земляной пол и вдруг зло прищурился. – Или переживаешь? Нашла мужчину по себе?

Почему-то его слова меня разозлили.

– Дурак! Не смог сам ничего придумать – так и скажи! А сцены ревности мне устраивать не надо. Меня не интересуют ни стражники, ни наемники!

– Как скажете, моя госпожа! – тут же раскланялся он и, не говоря больше ни слова, вышел в ночной город.

Мы с Борькой переглянулись.

– Не обращай внимания. Диагноз налицо! – успокоил тот и мордой выпихнул меня за дверь.

Я хотела было уточнить, что за странный диагноз, но позабыла обо всем на свете, едва оказавшись на улице этого удивительного города. Дома ярко светились непонятными вывесками, от мостовой исходило призрачное сияние. То тут, то там вспыхивали огни, а над городом повис большой яркий куб, в котором два бородатых звездочета спорили о тайнах звезд.

Несколько раз мы видели странных животных. Прогуливаясь на поводке вместе с чудачковатыми хозяевами, мимо нас пропрыгал тигрозаяц, большая обезьяна с павлиньим хвостом и хрюкающая собака, а один раз, что-то бормоча, даже прошагала странная механическая кукла.

Кое-где на маленьких сценах выступали ораторы, окруженные небольшими группами людей. Мне даже запомнились две бредовые темы: «Как с помощью дуста выгнать из дома тараканов и призраков» и вторая «Шамахане – кто они? Инопланетные захватчики или просто агрессивные братья по маразму». Впрочем, как выяснилось, бредовыми эти споры были

только для нас. Слушатели же, наоборот, очень рьяно поддерживали, спорили, крича до хрипоты, восхваляли, но только не оставались равнодушными.

На нашу странную тройцу никто не обращал внимания. Даже прошедший мимо патруль не увидел ничего странного в двух бродягах, прогуливающих по нешироким улочкам в компании с лошадьё.

– Куда мы идем? – Наконец я окончательно запуталась в изгибах улиц, поблескивающих витринами и вывесками, и мне очень захотелось уже куда-нибудь прийти!

– На постоялый двор, – буркнул Ник, даже не взглянув на меня.

Интересно, неужели его так задела моя маленькая победа? Или...

– И как еще далеко до него?

– Уже пришли! – Он свернул к большому квадратному дому, над крышей которого парил весьма доходчиво поясняющий знак: крендель и кружка с чем-то пенным.

Из-под навеса к нам тотчас выбежал шустрый мальчишка:

– Господа чего-то желают?

– Накорми до отвала скакуна и почисти его! – Ник кинул поводья и один золотой проворно схватившему все это мальчугану. – Кстати, если он будет недоволен, я пожалею твоему хозяину.

– Кто недоволен? – Мальчишка вытаращился на странного постояльца.

– Он! – Ник двумя пальцами отсалютовал Борьке. – Спокойной ночи, друг!

– И тебе как следует отдохнуть! – фыркнула в ответ рыжая бестия и кивнула мне: – Сладких снов, мон ами!

Я только усмехнулась, глядя, как мальчишка, чуть ли не кланяясь, провожает Борьку в стойло, и поднялась вслед за Ником по скрипучим ступеням крыльца в теплое нутро дома.

Нам повезло. Посетителей, как ни странно, было мало, если учесть, что сейчас еще даже не за полночь! Впрочем, Ник не обратил никакого внимания на пустующий трактир. Подойдя к стойке, он буркнул пару слов трактирщику, взял ключ и направился к свободному, даже довольно чистому столику.

Хоть бы слово сказал! Ну все!

Я бросилась за ним.

Не собираюсь платить за его перепады настроения! Сейчас так и скажу!

Но парень наконец соизволил меня заметить. У самого стола он оглянулся, вдруг отодвинул стул и, улыбаясь, вежливо проговорил:

– Садись, Вася, отдохни. Ты это заслужила! Всего-то и делов – показать свои прелести стражнику, а потом отдыхать в трактире. – Его улыбка была бы искренней, если бы не бешенство, едва заметно проскальзывающее в голосе хрипотцой, и стальной блеск чуть прищуренных глаз. – А что бы ты делала, если бы нас с Борькой не было рядом?

– Ты на что намекаешь? – нахмурилась я. В конце концов, я заказывала телохранителя, а не личного проповедника! – Никак не можешь смириться, что сам не придумал, как попасть в город?

– Ну... боюсь, мой голый торс стражника бы не вдохновил. Так что все лавры тебе! – Снова милая улыбочка и ямочки на щеках.

Я зло выдохнула и села на предложенный стул.

Даже поспорить как следует не может! Ну и... фикус с вами – как любит говаривать мой папенька.

Никита сел напротив меня и, не переставая улыбаться, взглянул на подскочившую к нашему столу девушку-прислугу.

Молча дождавшись, когда она расставит тарелки с дымящейся кашей, водрузит в центре стола фарфоровый кувшин и снова исчезнет, я притянула тарелку и принялась за еду.

В отличие от некоторых меня совесть не душит, и оправдываться не вижу необходимости!

Спрятав ненавистную улыбочку, Ник еще какое-то время буравил меня взглядом. Не знаю, чего он хотел этим добиться, но, так и не дождавшись от меня никакой реакции, в конце концов тоже уткнулся в тарелку и сосредоточенно заработал ложкой.

Вскоре я почувствовала себя сытой и довольно вздохнула. Притянув кувшин, доверху наполнила стакан красным вином. То, что это – вино, я поняла, почувствовав, как у меня немного закружилась голова всего от нескольких глотков. Какой приятный ягодный вкус! Словно пьешь морс. С градусами!

– Кстати... запиши на мой счет и то, что ты потратил на меня из своего бюджета. – Я наконец соизволила взглянуть на своего телохранителя.

– Непременно! – А я гляжу, ему тоже понравилось вино! Он опрокинул один за другим пару стаканов и вызывающе посмотрел мне в глаза. – И моральный ущерб тоже!

– Послушай, я одного не пойму: ты меня что, ревнуешь? – Я мило улыбнулась. – Как быстро, однако. Знакомы без году неделя. Или... хочешь попытать счастья в фаворитах?

– Зря надеешься. – Ник смерил меня равнодушным взглядом. – Ты не в моем вкусе. А вот что касается денег... Ничего личного, но, если с тобой что-то случится, боюсь, мне не заплатит ни одна из заинтересованных сторон. Поэтому и только поэтому я позволил себе немного неуместного волнения. О чем сожалею! А теперь я отведу тебя в номер, где ты и проспишь до утра.

– А ты будешь меня сторожить? – Я не сдержалась и икнула. А это вино не такое уж безобидное! – Как верный пес?

– Я закрою дверь на ключ. – Он поднялся, подождал, пока я встану, и неспешно направился к лестнице.

Едва сдержав зевок, я поплелась за ним. Пожалуй, сон – это то, что мне сейчас нужно, но я не удержалась от ехидства:

– Изнутри?

– Спаси и сохрани! – Ник едва не перекрестился.

Поднявшись на второй этаж, мы миновали две двери, у третьей Ник остановился. Щелкнул замок.

– Твоя комната здесь. – Он распахнул дверь и посторонился.

Я шагнула в небольшую, чистую светелку с одной, но огромной кроватью, на которой, словно покрывало, лежал серебристый лунный свет, льющийся из небольшого окна. Дальний угол спальни скромно отделяла ширма.

Эх, помыться сегодня явно не получится... Ноги уже не держат.

Сзади скрипнула дверь, и в замке заворочался ключ. Я подошла и рухнула на постель.

Ну и ладно!

Глава 5

Я бежала, из последних сил пытаюсь уйти, скрыться в темных переходах незнакомых мне домов, тоннелей, залов и комнат. Бежала, молясь о милосердной смерти, что забрала бы мое дыхание раньше того, кто шел за мной по пятам. Быстрее того, кто не оставил бы от меня даже горстки пепла!

Ворвавшись в огромный каменный зал, я остановилась. Я уже понимала, что сбежать не получится, и знала, что увижу здесь самый худший мой кошмар. У черного алтаря стояла высокая фигура, скрытая темным балахоном. Лысый череп прятался под капюшоном. Я не видела лица, но я знала, что это ОН! Тот, кого я увидела в хрустальном шаре тети Мафы, тот, кто стоял рядом со мной у алтаря! Феникс! Мой муж...

Я хотела бежать, сделать хоть шаг, но ноги будто приросли к каменным плитам, хотела зажмуриться, но не могла отвести глаз. Наконец мужчина медленно, словно это было самой изощренной пыткой, обернулся. Его тонких губ коснулась жуткая улыбка.

– Ты... – Он направился ко мне, и с каждым его шагом меня окутывал жар. Такой, что вскоре стало больно дышать. Наконец он остановился, словно не решаясь сделать разделяющий нас шаг, и уставился на меня бельмами глаз. – Ты пришла, чтобы оказать мне услугу? Смелая девочка... Приведи меня к нему... Найди его... Как и обещала...

Я молчала, не в силах пошевелиться от ужаса, обессиливающего еще сильнее жара. Из-под балахона показалась, вся в огненных язвах, рука и ласково коснулась моей щеки.

Не в силах терпеть обжигающую боль, я заорала и... тяжело дыша, села на постели.

Где я?

Темная комната... Трактир!

Сколько я спала?

Вдруг в замке заворочался ключ. Я натянула повыше одеяло и с ужасом и надеждой замерла, глядя на медленно открывающуюся дверь.

– Никита? Это ты?

Из мрака показалась высокая, широкоплечая фигура и шагнула в комнату. У меня оборвалось сердце, когда я снова увидела воплотившийся в реальности кошмар – блеснувшие в лунном свете выжженные глаза моего дорогого супруга.

– Нет! Не подходи! Уйди! Исчезни!

И вдруг услышала голос Ника:

– Василиса? Вася! Вась?

Высокая фигура приблизилась, стиснула мои плечи и затрясла, не переставая повторять голосом Никиты:

– Васенька! Васька! Василиса!!!

Пощечина, обжегшая щеку, заставила меня дернуться и распахнуть глаза. Я поняла, что смотрю в глаза Никиты. Не в силах справиться с пережитым ужасом, я обвила его за шею и, притянув к себе, громко, навзрыд заплакала.

– Все-все-все! Тихо, тихо! – Парень, видимо, сообразил, что если ему не уйти от благодарностей разбуженной им девушки, то лучше расслабиться и получать удовольствие. Сграбастав меня в охапку, он удобно устроился рядом и, поглаживая по волосам, продолжал успокаивать: – Тихо, тихо! Я здесь! С тобой!

Наконец эмоции, а вместе с ними и слезы – закончились. Я шмыгнула для достоверности несколько раз и, сообразив, что пытаюсь справиться с кошмаром, уткнувшись в шею практически незнакомого мужчины, отстранилась.

– Ник?

– Я тут! – Он приподнялся на локте, волнуяще глядя мне в глаза.

– А что ты делаешь в моей постели?

Он смутился. Рывком поднялся, затем, подумав, присел на краешек кровати.

– Извини. Вообще-то я услышал твой визг и пришел. Если честно, думал, что на тебя кто-то напал и чуть не переломал все ноги.

– Мне... сон жуткий приснился... – Действительно. Парень пришел на мои крики, попытался разбудить. Он же не виноват, что я его чуть не задушила? Признаться даже самой себе в том, ЧТО я испытала, спутав моего милого попутчика с ожившим кошмаром, не хотелось. Пусть даже это было во сне...

– Я понял. Самое смешное, что мне тоже кошмар приснился. Еле проснулся... – Его глаза в полумраке комнаты продолжали смущать меня слишком уж пристальным взглядом. – Может, все дело в вине? Наверное, трактирщик ставит опыты над посетителями.

– Возможно... – Я даже улыбнулась. Поднялась, подползла и уселась с ним рядом. – А что тебе приснилось?

Он покусал губы и покосился на меня.

– Нет, давай сначала ты!

– Я? – Пожав плечами, я уставилась на полоску рассвета, медленно, но неукротимо разрывающую ночное небо. – Ладно. Мне снова приснился Феникс. И он хотел, чтобы я нашла ему кольцо.

– И все?

– Ну... почти все! – Я снова посмотрела на него. – Половину сна я от него убегала.

– Вот и мне... – Ник отвел глаза. – Приснилось нечто подобное.

– Врешь? – Я смерила его взглядом, опустила ноги на холодный пол и поднялась. – Ничего тебе такого не снилось, и ты говоришь все это, чтобы меня поддержать!

– Ну... можно сказать, что ты права! – Никита тоже поднялся и, шагнув ближе, вдруг обнял меня за плечи.

Я непонимающе уставилась ему в глаза:

– Ты чего?

– Да... ничего. – Он отстранился и виновато улыбнулся. – Вась... ты это... не обижайся на меня за то, что я тебе вчера наговорил.

Я пожала плечами и улыбнулась в ответ.

– Не обижаюсь. Да и чего обижаться? У нас ведь чисто деловые отношения? Так?

Неуловимая тень скользнула по его лицу.

– Так. А я вот чего подумал... – Он замялся и сменил тему: – А может, пойдём перекусим? А потом отправимся искать твоего Ципролета.

– Не... – Я категорично покачала головой. – Точно не Ципролета. Знаешь, ты иди. Закажи чего-нибудь перекусить, а я у тети уточню, кого мы ищем.

– Может, помочь? – Он шагнул ко мне, но я решительно мотнула головой.

– Нет. Я сама. Ты иди.

Ник побуравил меня подозрительным взглядом, передернул плечами, мол, ну как хочешь, и вышел за дверь.

Я села на постель и судорожно нащупала за корсетом заветный мешочек. Надо же, уснула не раздеваясь! Главное, чтобы не разбилось... Распустив узелок, я бережно вытащила маленькое зеркальце.

Та-ак! Что там про тебя Мафа говорила... Интерактивное? Просто протереть от вековой пыли?

Ладно! Рискнем.

Я осторожно мазнула подушечками пальцев по холодному грязному стеклу и принялась ждать результата.

Через полминуты я поняла, что зеркальце не фурычит. А может, я просто в нем ничего не вижу? На стекле отпечатки пальцев, какие-то разводы, пыль...

А если поплевать и протереть?

В конце концов я так увлеклась оттиранием грязи с серебряной поверхности, что едва не взвизгнула, когда из зазеркалья на меня внимательно уставился заплывший глаз.

– Ты кто? – Да и голос – триста лет курительного стажа плюс хронический ларингит. Был у нас один менестрель боярина Ёшкина. Как запоет с таким вот прононсом – хоть стой, хоть подпевай. Его так все и звали – менестрель бояринский.

– А ты кто? – Я на всякий случай отодвинула зеркальце на расстояние вытянутой руки. Вдруг оно еще и скрытый телепорт?

– Васька!

– Какой еще Васька?

– Да не Васька, а Мафа! Это ты – Васька!

– Мафа? – Я вспомнила, из-за чего, точнее, из-за кого решила поколдовать с тетиним подарочком. – Это ты?

– Да я это! Я! – Глаз внезапно уменьшился, и теперь из зеркала мне улыбалось все изрядно помятое лицо тети Мафани. – Где тебя носит? Блудня!

– Хм. Если ты помнишь, я вышла замуж!

– Только не свисти, что ты сейчас именно там!

– Где? – нахмурилась я. Иногда как что-нибудь спросит-спросит...

– Замужем! – Тетка вдруг ехидно прищурилась. – Ну-к, дай-ка мне с твоим милым поздороваться. Все-таки как-никак, а мы теперь с ним родня!

– Тетя! – Я понизила голос. – Ты что, опять вчера настойку на мухоморах пробовала?

– Да если бы! – Голос Мафы погрузнел. – Решила испытать в действии травку одну – почечуйник чашекрылый... ик!.. До сих пор эксперимент еще до конца не выветрился.

– Ясно... Короче, объясню в двух словах! – Я приблизила зеркальце к губам. Мало ли... – Я убежала из дома Феникса. Более того. Я сейчас в Болотной Гати. Скажи, где мне искать Цитрамона?

– Не Цитрамона, а Цитрона. – Тетя оживилась. – Да неужто у тебя получилось?! А как? Как тебя Феникс-то отпустил?!

– Никак! Я сбежала, когда он ушел!

– Так, племяшка. А как он отреагировал на твое предложение о разводе?

– Тоже никак! Он хочет, чтобы я осталась его женой! Взаправду! А я не хочу, не хочу, не хочу! – Я шмыгнула носом, а перед глазами на миг появился человек из сна. Брр!

– А чего тогда ты сбежала? – Тетя сосредоточенно поскребла включенную голову.

– Как «чего»? – Боже, и угораздило меня связаться с ней именно сейчас! Она же даже внешне напоминает почечуйник чашекрылый! Хотя даже не представляю, что это за дрянь! – Я же говорю! Я не хочу быть его женой!

– А чего? – Тетю, похоже, заклинило. – Мужчина он видный! Даже где-то интересный! Хотя... как по мне... молодой уж больно! Не! Не по годам... С годами у него все в порядке. Да вот в голове – ветер, даром что колдун со стажем! Как раз под стать тебе!

– Те-тя! – отчеканила я. Чувствую, почечуйник чашекрылый – это заразно! – Ты меня с ума сведешь своими бреднями! Какой молодой? Какой интересный?! А что касается видного – да-а-а! Один раз увидишь, всю жизнь видеться будет! Ты пойми! Я хочу свободу! Я хочу другого мужа! А еще Ник мне посоветовал первой найти кольцо и отдать его Фениксу в обмен на мою свободу. И если оно уж так ему нужно – Феникс согласится!

– Так! Стоп-стоп! – Глаза Мафы даже немного открылись. – А вот с этого момента поподробнее. Ник?

– Никита! Он мне помог тут кое-кого победить, а сейчас помогает с поисками кольца.

– И с чего бы вдруг?

Я смутилась:

– А ни с чего! Наемник он. Понятно? Я ему денег пообещала, если поможет!

– Угу... А вдруг он не просто так тебе на пути встретился? – Тетя устала держать глаза открытыми и снова прищурилась, изображая гидайского разведчика.

– Ну конечно! – Я только покачала головой. – Сам наплодил бандитов, науськал на одинокую путницу и сам их раскидал! Теть, завязывала бы ты с почечуйниками экспериментировать...

Мафа согласно вздохнула:

– Эх, детка. Я ж за тебя переживаю! Одна, с каким-то лихоимцем...

– Да он хороший! – встала я на защиту Никиты.

– Все они хорошие, – тут же вскинулась тетя и смущенно закончила: – А когда – не скажу.

Вот будет у тебя мужик – сама узнаешь!

– А чтобы он был – мне надо найти твоего Цитрамона!

– Цитрона! – строго поправила тетя и предупредила: – И смотри не перепутай, а то и вправду отыщешь не того! В этой Гати и Цитронов и Цитрамонов хоть ложкой ешь!

– А где его искать-то? Адрес?

– Не знаю! В наукограде, говорил, живет. В районе Фарма Кологии. Название жуткое, так что ты запиши, а то вдруг забудешь. А что касается твоего наемника...

– Он – целитель! – снова вступилась я.

– Даже так? Хм... – Тетя закрыла глаза и задумчиво замолчала.

Я терпеливо ждала. Затем мое терпение иссякло. Ну о чем можно так долго думать?

Мои самые мрачные предчувствия нарушил теткин раскатистый храп.

– ТЕТЯ!!!

– А? – тут же проснулась она. – Кто здесь?

– Это я! Твоя совесть! – фыркнула я, глядя, как она заполошно ищет по сторонам этого страшного собеседника. – Ты – спишь?!

– С кем? Если ты про Матвея, то нет! Брехня! Ну, может, только раза два-три было. А про остальные разы брешут!

– Тьфу! Тетя! Это я! Василиса! Интерактивное зеркало. Помнишь?

– А-а-а! – Тяжело дыша, Мафа вцепилась в свою безразмерную грудь с правой стороны, потом подумала и переложила ладонь на левую сторону. – Вот зараза! Разве можно так шутить! А если бы я тебе про Парамона конюха выложила? Или про отца твоего?

– Чего?! – нахмурилась я.

– Где? – Она тут же удивленно выпучила глаза.

– Что ты там про отца мне хотела выложить?

– Про кого? Да тебе послышалось! Я говорю, овца его, ну... Парамона... вчерась заблудилась. Вот и искали ходили... – Вдруг послышался чей-то басовитый всхрап, а Мафа заторопилась: – Ладно, Василек. Ты иди. Ищи Цитрона. А как найдешь – на связь выходи. А мне сейчас бежать надо. Слышишь, свинья хрюкает? В дом забралась!

– Так у тебя же не было свиньи? – Я, уже ничего не понимая, озадаченно похлопала ресницами.

– А! – Тетя с улыбкой отмахнулась. – Приблудилась тут одна. Теперь вот корми ее, пои, развлекай... Ладно. Все. Конец связи!

Еще несколько мгновений я растерянно смотрела в рябившее зеркальце и бережно засунула его назад в мешочек, печально понимая, что почечуйник чашекрылый это не трава для опытов, это образ жизни!

Спустя несколько минут я привела себя в порядок и даже умылась холодной водой, что нашла в кувшине за ширмой, а затем поспешно вышла за дверь. Прислушалась к тишине и, прокравшись на цыпочках мимо запертых дверей, со всех ног бросилась вниз по лестнице.

Какая-то странная тишина. Жуткая, что ли?

Трактир тоже встретил меня молчанием и полумраком. Не горели свечи, не полыхали дрова в печи, более того, не было ни посетителей, ни трактирщика – никого, кроме Ника, одиноко сидевшего за столиком у окна.

– А где же завтрак? – Я села рядом.

Тот развел руками:

– Вообще ничего не понимаю. Может, рано еще?

– Рано? – Кивнув на первых спешивших мимо окон трактира горожан, я побарабанила пальцами по столу. – По-моему, мы просто выбрали трактир, где и гости и прислуга спят до полудня!

– А вот и нет, барышня! – Откуда-то из-за занавески, скрывающей полкухни, вынырнула косматая голова трактирщика. – Простите, что вмешиваюсь, но лень моих работников тут совсем ни при чем! Я бы с радостью вставал еще до рассвета, чтобы напечь вкусных булочек, которые очень любят студенты и господа целители, маги и прочий ученый люд! К слову сказать, я так и делал всего каких-то пару лет назад!

– И что мешает вам делать это теперь? – Ник заинтересованно склонил голову набок, разглядывая шагнувшего к нам хозяина. Его одежда и фартук были измазаны в чем-то желтом.

– Что?! – Казалось, такой простой вопрос возмутил его до глубины души. Он отдернул занавеску и обличительно указал на творившийся за ней бедлам.

Я даже привстала, чтобы разглядеть рассыпанную по полу муку, размазанную по стенам сметану. Вчерашний окорок, вымазанный сажой, торчал из печи, а яйцами словно держали оборону. Желтые кляксы тесным рядом стекали по стене.

– Ужас какой! Что здесь произошло? – Ник поднялся и подошел к трактирщику.

Тот всхлипнул. Подумал. И принялся рассказывать:

– Все началось два года назад, спустя месяц после того, как здесь, в трактире, погиб мой постоялец. Причем в некоторые дни тишь да гладь да божья благодать, а в некоторые... И ведь все продукты в... Поди разбери, что это...

– А как постоялец-то погиб? – Ник огляделся, поколупал пальцем торчавший из стены нож, завязанный в каральку, и внимательно уставился на трактирщика.

– Да случайно! Откуда он взялся, не знаю. Мой брат иногда, когда заезжает ко мне в гости, любит устраивать смешные соревнования. Вот и в тот день решил братец устроить соревнование, кто всех быстрее и больше съест моих булочек, а сам ставки давай принимать. А к слову сказать – был у него для такого соревнования человек испытанный. Обожрет любого! – Трактирщик чему-то усмехнулся, но, встретившись взглядом с Ником, тут же посерьезнел. – Так вот! Ставки все сделали, соревнование началось. Народ болеет за проверенного – почти все на него поставили. И вот осталось всего трое – парень моего братца, один гидаец и здоровяк тот, чтоб его... Уже упокоился б где-нибудь! Потом и вовсе ажиотаж поднялся. Гидаец выбыл первым – сказал, что наелся на халяву на год вперед и ему хватит. Вот, значит, соревнуются из последних сил здоровяк и подсадной братишки. Осталось всего по четыре булочки на каждого. Две съели. На третьей булке подсадной уже и дышать судорожно начал, а здоровяк даже скорость не сбавил. Доел все! Последнюю жует, ну братишка ему в сердцах возьми и скажи – чтоб ты подавился!

– И тот подавился. – Я возвела глаза к потолку и шумно выдохнула, попутно отскочив подальше от лапши, свисавшей с потолка прямо над моей головой. – Банально!

– Может, и банально, но только с того дня один раз в неделю кто-то в трактире переворачивает все с ног на голову и изводит под ноль все продукты. Работать приходится почти что

в убыток! А ночью к постояльцам приходит призрак того здоровяка и просит его накормить! – На его последних словах мимо нас пролетел кометой здоровенный рыжий кот и исчез на печке.

– Угу... – Ник проводил его взглядом, еще раз все оглядел и медленно прошелся по пустому залу. – Я бы мог помочь вашему горю, но... я простой наемник и благотворительностью не занимаюсь.

– Да-да! – покивала я, поддакивая неизвестно чему – то ли тому, что он мог бы помочь, то ли тому, что задарма он этого делать не станет.

– Сколько? – Трактирщик не стал юлить и с ходу перешел к теме, интересующей моего телохранителя, но тот, на удивление, вдруг покачал головой.

– Вопрос не в деньгах. Если все получится и я помогу вам совладать с этим неуспокоенным духом, я попрошу только о помощи. Мы ищем одного человека. Знахаря. – Ник посмотрел на меня.

– Да-да! Ищем! – очнулась я. – Район Фарма Кология. Цитрон. Очень надо.

Трактирщик задумчиво поскреб небритый подбородок.

– Его самого я не знаю, но знаю того, кто знает всех, кто когда-либо жил или живет в этом городе.

– Годится. – Ник вдруг незаметно мне подмигнул.

Я поспешно отвернулась к окну, чувствуя, как мои щеки охватил пожар. Интересно, зачем ему это? Или снова выслуживается? Ясное дело, без помощи мы этого Цитрона будем искать до морковкиного заговенья! Если верить словам тети – наукоград город огромный!

Тем временем Никита что-то забормотал. Тут же с печки спрыгнул перепачканный сметаной кот, оцетинился и, громко урча, пошел в бой. Одним ловким движением Ник поймал дикую зверушку за шкуру и, не обращая внимания на брыкания и недовольное фырканье рыжей зверюги, сосредоточенно продолжил произносить непонятные слова.

– Это мой кот! Мясоед! – Трактирщик бросился на помощь коту, но Ник жестом его остановил.

Сперва кот повис тряпочкой в его руках, затем вдруг издал громогласный мяв и с такой яростью начал вырываться, размахивая когтистыми лапами, как стилетами, что мне даже стало страшно за жизнь Ника. Но тот как ни в чем не бывало дочитал заклинание и обратился к Мясоеду:

– И не стыдно тебе мстить тому, кто ни в чем не виновен?

Кот прижал уши и зашипел, но Ник не растерялся и издал в ответ несколько фыркающих и шипящих звуков. Котяра дернулся, но буйствовать перестал и довольно разборчиво промяукал:

– Мияса муала.

– И поэтому ты разоряешь дом, где тебя постигла скоропостижная смерть? А если я тебе помогу? Хочешь снова жить? Быть сытым, любимым. Тебя будут на руках носить! Только сначала клятва: ты не станешь больше пакостить в этом доме, а, наоборот, будешь помогать и за это получать много свежайшего мяса.

– А если неу?

– Тогда навсегда останешься призраком этого дома. Хозяин уедет, и тебе будет некого пугать и нечем питаться.

Ник выжидательно посмотрел коту в глаза. Тот опять повис тряпочкой у него в руках и печально вздохнул:

– Ну лауна. Мияса мноу. Люмлю.

– Отлично. – Ник пригладил кота и положил на чистый островок пола. – Значит, так. Отныне ты – кот Мясоед. У тебя очень много работы – у твоего хозяина развелись мыши, которые портят его продукты. Если ты станешь на них охотиться, ты всегда будешь сыт и приласкан. О своей предыдущей жизни ты скоро забудешь.

– Мияур! – Кот встряхнулся, принялся и с победным ревом бросился куда-то за печь. Ник посмотрел на ошеломленного трактирщика. Тот с трудом отвел глаза от печи и встретился с ним взглядом.

– Что, и все? Сумасшедшая беседа с моим котом – и я должен поверить, что в него вселилась душа постояльца?

– Я не настаиваю. – Ник невозмутимо пожал плечами и скрестил руки на груди. – Время покажет. Только могу уверить в одном. Сейчас для вас и вашего трактира самая страшная беда – отсутствие мышей, крыс и прочих грызунов! Потому что, пока они здесь, у вашего врага есть много мяса, которого он желает.

– Что ж... – Трактирщик развел руками. – Тогда мне осталось выполнить свою часть сделки. Хорошо, что я ничем не рискую: теперь либо все повторится, либо этот дух меня больше никогда не побеспокоит.

– Рад, что вы меня понимаете, – коротко кивнул Ник. – Доказать я вам так сразу не смогу. Только со временем вы сможете успокоиться, перестав ждать новых разрушений, но мне, к сожалению, некогда дожидаться очевидного.

– Я понимаю и даже верю вам. Ни один уважающий себя обманщик не станет обманывать за столь ничтожную плату, какую запросили вы. – Трактирщик развернулся и направился к печи. – Если желаете – сделаю вам яичницу из оставшихся яиц.

– Желаем, даже очень! – бросила я ему вслед и устроилась за столиком, предварительно проверив, что над головой не висят спагетти.

Вскоре ко мне присоединился Ник.

– Вась... – Он сел напротив, помолчал и вдруг взял мои руки в свои. – Я бы хотел еще раз извиниться за вчерашнее. Ты рисковала жизнью и честью, а я... Не знаю, что на меня нашло. Я бы хотел, чтобы и в дальнейшем между нами не было разногласий. Ты будешь моим другом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.